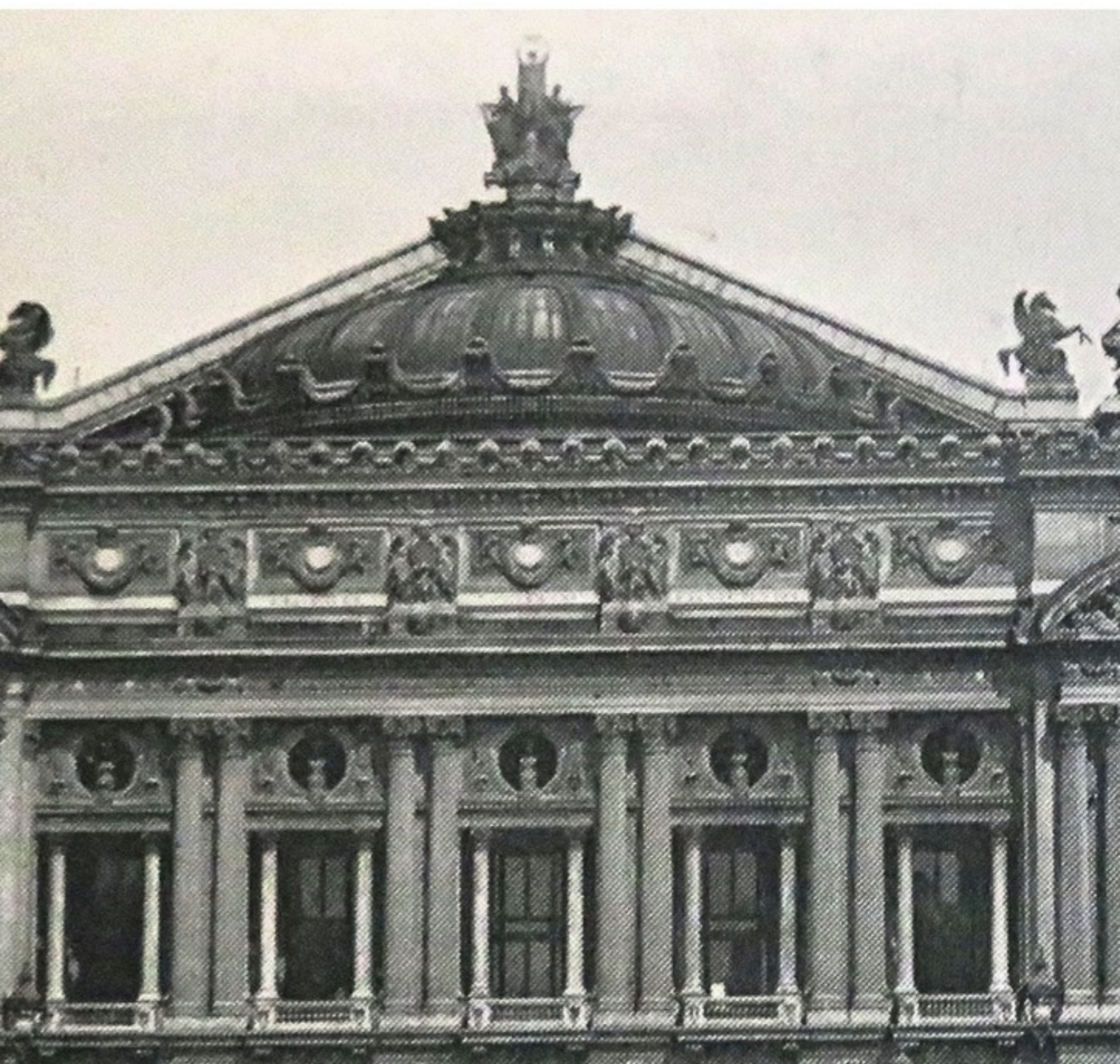

Игорь Кабаретье
Преступление в Гранд-опера.
Том первый
Веер из Йеддо

Игорь Кабаретье

**Преступление в Гранд-опера.
Том первый. Веер из Йеддо**

«Издательские решения»

Кабаретье И.

Преступление в Гранд-опера. Том первый. Веер из Йеддо /
И. Кабаретье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907105-7

Действие детективного романа происходит в 19 веке во Франции, в Париже, где в особняке самой богатой и модной куртизанки того времени Джулии д'Орсо находят труп польского авантюриста Гжегоша Голимина, из шубы которого она забирает несколько писем, компрометирующих трёх женщин. Расследование этой загадочной смерти, а также и других, поручают судье Роже Дарки, а неофициальное следствие ведёт его племянник вместе со своим другом.

ISBN 978-5-44-907105-7

© Кабаретье И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	19
ГЛАВА III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Преступление в Гранд-опера. Том первый Веер из Йеддо

Игорь Кабаретъе

© Игорь Кабаретъе, 2019

ISBN 978-5-4490-7105-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1889—2018

ГЛАВА I

История давно минувших дней.

Будуар Джулии д'Орсо, которой принадлежала бесспорная, но сомнительная честь блистать на вершине пирамиды парижских дам полусвета, был обтянут шёлком цвета «лютика едкого», отчего в полумраке казался коричневым. Прозрачный огонь мерцал в старинном камине, рядом стояли подставки для дров времён Людовика XVI, подлинные подставки, сохранившие память об их прежних владельцах из Версаля, ставивших на них свои изящные ножи. Мягкий свет лампы из японского фарфора освещал это уютное убежище, табу для посторонних. Туда не проникали никакие посторонние шумы, разве что, кроме приглушенного далёкого цоканья копыт и шума колёс экипажей, которые спускались по бульвару Малешербе, да шёпота закипающей воды, поющей свою песню в самоваре красной самородной меди.

Между тем, Джулия, с небрежным видом прилёгшая на кушетку, была не одна. Рядом, полностью погруженный всем телом в просторное кресло, сидел молодой человек, покручивая кончиками пальцев свои светлые усы, и меланхолично поглядывал на терракотовую скульптуру в стиле рококо, изображающую Вакханок с лютней, примостившихся у ног Фавна.

Мысли элегантного кавалера, между тем, были далеки от этой замечательной вещицы работы Клодиона¹, этого Фрагонара в скульптуре, но не более, чем у дамы, перед которой на стене сияла великолепная картина Мариано Фортун² за которую она недавно заплатила безумные деньги.

И если они молчали, то это отнюдь не означало, что им нечего было сказать, и они украдкой наблюдали друг за другом, как два равных противника, желающих убедиться, что конфликт исчерпан, прежде чем вложить шпаги в ножны.

Опытный повеса счёл бы, на первый взгляд, что между этой влюблённой парочкой случилась серьёзная размолвка. Драматический автор уловил бы напряжение иной ситуации.

Джулия решила атаковать первой.

– Гастон, – вяло сказала она, притворяясь, что её душит зевота, – мне кажется, что вы необычайно мрачны сегодняшним вечером.

– Возможно. Уже несколько дней меня преследуют дурные мысли, – ответил Гастон Дарки.

– Откуда такой пыл, как у юной девицы!

– Я на самом деле нервничаю из-за этого.

– Да, вы имеете право на это, но когда вы раздражены, было бы милосердно с вашей стороны не вынуждать вашу подругу сердца находиться наедине с вами.

– О, моя дорогая, к чему такие упрёки! В этом случае вам следовало бы запереться!

– Вот именно, мой дорогой, и я уже начинаю сожалеть, что не сделала этого. Вам прекрасно известно, что по понедельникам у меня день Оперы, и, вместо того, чтобы поговорить о последних премьерах, вы заставляете меня слушать рассказ о вашем неловком камердинере, после чего нелепо заявляете, что вы решили посвятить мне этот ваш вечер. И после всего этого я, не ропща, повинуюсь моему властелину, и даже, по его желанию посылаю очень любезное приглашение посетить мою ложу Клодин Рисслэ, а ведь я опасаюсь плохой компании, ведь моя репутация может пострадать. Моя самоотверженность доходит даже до того, что я лично при-

¹ Клодион(фр.Clodion, настоящее имя Клод Мишель, (1738—1814), французский скульптор, создавал в традициях рококо терракотовые статуэтки, небольшие скульптурные группы и рельефы, изображающие сатиров, вакханок, амуров.

² Фортун² Мариано (1838—1874), испанский живописец и график. Получил большую популярность эффектными жанровыми, виртуозными по исполнению, изощрёнными в передаче цветовых рефлексов, картинами.

готовила вот этими белыми ручками этот зелёный чай из Китая, который вы так любите. Ещё недавно такое было невозможно себе представить, но сегодня утром я заставила сделать мне причёску в соответствии с вашим вкусом, хотя эти локоны на моей голове меня уродуют, превращают в какую-то оперную актрисочку, и я ожидаю моего Гастона, мечтая о голубых бабочках в глазах, но... Хлоп! Прибывает Гастон с похоронным видом... Посмотрим же, мой дорогой, почему, собственно говоря, такое происходит? Если бы вы играли на бирже, я могла бы предположить, что мой Гастон только что, между полуднем и тремя часами, потерял там всё своё состояние, но я прекрасно знаю, что вы не играете на бирже днём, а только ночью в карты в вашем клубе, так что проиграться в пух и прах к этому часу у вас ещё не было возможности.

Эта речь, начатая довольно кислым тоном, заканчивалась, как ни странно, почти сердечно, и Гастон не мог понять происходящей перемены, хотя улыбка, появившаяся на губах Джулии, пока она произносила эти слова, была явно не высшей пробы, и можно было поклясться, что молодой возлюбленный хозяйки дома явно сожалел о том, что упустил повод для ссоры.

– Вы правы, – попытался он вернуть инициативу в свои руки, – я невыносим и заслужил, чтобы вы меня выставили за дверь. Но правда и в другом! Не моя вина, если жизнь, которую я веду последнее время, причиняет мне сплошные неприятности.

– Хорошо, пусть будет так! Хотя сейчас вы уже начинаете говорить мне дерзости.

– Ничуть. Я лишь робко пытаюсь рассуждать о моей жизни бездельника, о своём бессмысленном существовании, которое требует огромных расходов... этот мой престижный клуб, членом которого я состою, все эти бесчисленные театральные премьеры, арендованные ложи, бега.

– И ещё эта Джулия д'Орсо, не так ли?

– Да, бытие, которую мой друг Нуантэль называет жизнью гардении, – сказал Гастон, сделав вид, что он не заметил камень, который дама только что бросила в его сад.

– По поводу гардении... вы же знаете, что это мой любимый цветок, и, как я понимаю, это тот самый ваш друг Нуантэль, который рекомендовал вам не посылать мне букет цветов сегодня вечером?

– Нуантэль не даёт мне советы, и, если бы и делал это, я бы им не следовал.

– Почему? Этот красивый капитан, на мой взгляд, самый настоящий мудрец, счастливо живущий в Париже со своим маленьким для столицы состоянием. А вы, обладатель сорока тысячефранковой ренты и наследник ещё ста тысяч, которые получите после смерти своего дяди, почему вы за модель жизни не возьмёте образ существования вашего друга? Он не играет в карты и никогда не имел серьёзной возлюбленной. Попробуйте имитировать его жизнь, мой дорогой, с таким же энтузиазмом, с каким вы завидуете его счастью.

Джулия говорила теперь сухим тоном, и слова слетали с её губ, как стрелы. Она пыталась, очевидно, пронзить своего любовника обидными словами, чтобы он сорвался и снял с себя маску, прекратил свою игру, и это ей удалось.

– Моя дорогая, – ответил Гастон, – вообще-то я и не помышлял о том, чтобы копировать кого-нибудь, но мне двадцать девять лет, и...

Молния мелькнула в больших глазах Джулии, но выражение её лица не изменилось, и с совершенным спокойствием она произнесла:

– И вы подумаете о том, что вам настало время жениться, и вы, наконец-то, решились на это?

– Я...?! Никогда!

Гастон ответил с такой искренней убеждённости, что Джулия тотчас же изменила свою тактику.

– А почему вы не хотите жениться? – тихо спросила она. – Вы богаты, у вас прекрасное происхождение, ваш отец занимал высокое положение в магистратуре, ваш дядя – судья

в Париже, и ваша семья имеет такие обширные и крепкие связи с крупной буржуазией, которые стоят дворянского титула, так что вы легко найдёте наследницу с хорошим состоянием.

– Я вам повторяю, что об этом не может быть и речи.

– Это странно, – продолжила Джулия, – одна известная пословица утверждает, что несчастье никогда не приходит в одиночку. Представляете, что мой будущий брак также в опасности?

– Ой-ли! – Гастон довольно недоверчиво хмыкнул.

– Хотя я и чувствую, что ваше удивление – не просто дань вежливости, оно меня не трогает и не ранит, поскольку я понимаю, что для меня ещё не настало то время, когда мне необходимо встать на тот путь, который ведёт к мэрии и церкви. Я могла бы легко пройти эту дорогу, так как тоже получила хорошее воспитание и образование. У меня есть диплом учительницы, мой дорогой, и я напоминаю вам об этом лишь только потому, если вы вдруг об этом забыли. Но я предпочла цветущие тропинки, в конце которых находится особняк и ценные бумаги, обеспечивающие жирную пожизненную ренту, и поэтому я не могу выйти замуж за такого человека, как вы, но ничто не мешает мне сделать это с иностранцем. Предубеждения француженки остаются на границе.

– Вы готовы уехать за границу! Покинуть Францию?

– Без сомнения. Корона графини стоит потери родины, экспатриации, так что в данный момент самое дорогое и желанное для меня – это стать графиней.

– В какой стране? – Спросил Гастон с некоторой долей иронии.

– В Польше... Знаете ли вы графа Голимина?

– Эта та самая личность, тот персонаж, кого в наших кругах зовут Блекбуле, а в Индии их относят к касте неприкасаемых, и ни один приличный человек в Париже не хочет иметь с ним дело. Да, конечно, мне он известен.

– Эта точка зрения мне знакома, но...

– И его репутация также?

– И эта репутация отвратительная, не правда ли?

– Именно вы об этом сказали.

– Вы знаете, что граф меня безумно любил три года тому назад...

– Вы могли бы не ворошить эти неприятные для меня воспоминания.

– И что я порвала с ним, хотя он по-королевски тратил на меня своё крупное состояние.

– И чьему происхождению никто не доверял.

– Весь высший свет Парижа... да и я сама. И именно потому, что оно было сомнительно, я и оставила Голимина. Но сейчас я могу утверждать, что судила о нём слишком строго, ведь золото, которое он пригоршнями швырял на парижские мостовые, было законно заработано Голиминым в Америке.

– Игрой в карты?

– Нет, в шахтах Калифорнии.

– Именно этой участи я ему желаю. Надеюсь, там он и закончит свою жизнь!

– И только я одна знаю, – продолжила Джулия, не обращая внимания на язвительные ремарки своего друга, – чего в действительности стоит этот славянин, к речам которого раньше, когда он был богат, весь Париж благосклонно прислушивался и искал его дружбы. Н самом деле граф-искатель приключений, а не мошенник. Голимин участвовал в достойных порицания делах, но на его счёту также есть и героические поступки. Я не знаю, какое определение можно дать этой странной натуре... Вы же читали романы Шербулье. Так вот! Граф Голимин – это одновременно и Ладислас Больски в его приключениях, и Самюэль Брохль и компания... в одном лице.

– Самюэль Брохль, главным образом.

– Да, как и Самюэля, его любила одна знатная дама... и не одна. Но, и он также, он тоже любил... Он любит со страстью...

– Вас, без сомнения?

– Да, меня. И он относится к той категории людей, которые способны убить и меня и себя, если я откажусь выйти за него замуж. Он мне об этом написал.

– Вы мне этого не говорили, в противном случае, я предполагаю, я бы вам высказал моё мнение о том, что вы должны сделать.

– Нет, спасибо, я уже приняла решение.

– Какое?

– Я больше никогда не увижу Гжегоша.

– Так его зовут Гжегош...? Позвольте вам заметить, что это имя нормальный европеец просто не способен выговорить! Только этого не хватало? Если это так, то я вас поздравляю с этим решением, моя дорогая Джулия.

– Значит вы находите, что мало заслуги в том, чтобы отклонить предложение о замужестве от человека с недостатками, да к тому же и практически разорённого. Да, вы правы, я не люблю его больше.

– Получается, что вы его всё-таки любили?

– Почему бы не признать это? Голимин красив, смел, у него есть отвага, презрение к мнению дураков и опасности... качества, которые так нравятся женщинам, так что если бы он меня сделал графиней, я была бы ему обязана всем, ведь если задуматься, кто я, впрочем, в сущности? Отверженная... Я бы, если так можно сказать, не потрясла устои общества, выйдя замуж за такого же парию, как и я. Но я вам уже сказала, Гастон, что я его больше не люблю и скорее позволю себя убить, чем связать свою жизнь с Голиминым.

– Вы так трагичны в этой сцене, моя дорогая, – прошептал молодой человек, скорее раздосадованный этой сценой, чем рассерженный.

Было вполне очевидно, что оборот, который приняла беседа, ему не нравился. Гастон пришел к Джулии не для того, чтобы распинаться перед ней о своей любви, и посылал сейчас ко всем чертям этого поляка, которого госпожа д'Орсо бросала к его ногам, как будто она поставила перед собой задачу помешать закончиться их разговору. Дарки не крутил больше свои шёлковые усы, но подавал другие знаки, ещё менее двусмысленные, указывающие на его нетерпение и раздражение, и в то время, как он нервно ёрзал в своём кресле, дверь будуара приоткрылась и в полусвете проявился мертвенно-бледный абрис камеристки Джулии с заострённым носом и насмешливым ртом.

– Что случилось? – сухо спросила Джулия. – Я не звонила.

– Мадам не звонила, но у меня есть одно словечко, которое мне нужно передать вам, мадам, – претенциозно и слегка конфиденциально ответила субретка.

– Говори, к чему столько тайн? У меня нет секретов от месье Дарки.

– Прошу прощения, мадам, но пришёл один человек, который просит разрешения поговорить с вами, мадам.

– Кто?! Кто это? Я же запрещала тебе принимать гостей.

Горничная хранила осторожное молчание.

– Что означает это выражение лица? – спросила её мадам д'Орсо – Там что, граф?

Очевидно, что такого вопроса субретка не предусмотрела. Она была докой в своей профессии и не приучена объявлять перед царствующим королём о прибытии свергнутого с престола экс-правителя, так что, ни мало не смутившись, ответила настолько тихо и таким низким голосом, что Гастон её едва расслышал:

– Да, мадам, это – граф... Но мадам может полагать, что он возвратился, несмотря на все мои усилия... ливрейный лакей и кучер вышли, и я не смогла его остановить... я совсем одна... я не смогла ему помешать нарушить запрет и проследовать в салон.

– Ах! Так граф уже в салоне! – воскликнула мадам д’Орсо. – Очень хорошо. Сейчас я к нему выйду, а ты возвращайся в мою спальню и оставайся там, пока я тебе не позвоню.

Камеристка исчезла так же бесшумно, как и вошла, закрыв дверь с такими предосторожностями, что не оставалось никаких сомнений в её огромном опыте при разрешении таких сомнительных ситуаций.

Гастон, вставший с кресла при первых же словах этой короткой беседы, спросил:

– Это граф Голимин, не так ли?

– Мой Бог! Да! – ответила Джулия. – Он мне написал сегодня утром, что хотел бы меня увидеть прежде, чем покинет Францию! Граф уезжает завтра. Я ему отказала, но внутренне была готова к выходке такого рода. Уверяю вас, что это будет наша последняя встреча. Я хочу покончить с этим сегодня вечером.

– А я... я, пожалуй, пойду, – моментально сказал Гастон с готовностью, которую мадам д’Орсо, без сомнения, заметила, так как холодно ответила:

– Если вы ищете повод, чтобы оставить меня, не затруднило бы вас найти причину получше. Между мной и графом уже давно ничего нет, и я вас попрошу остаться здесь. Встреча будет коротка, я вам это обещаю, и когда я вернусь, мне бы хотелось объясниться с вами.

Сказав это, Джулия быстро вышла, не оставляя своему любовнику ни времени, ни возможности, чтобы вставить хоть одно слово.

Гастон, как казалось, испытал очевидную нехватку присутствия духа, но справедливости ради нужно признать, что раньше он его находил и в более острых ситуациях. Задерживать мадам д’Орсо вопреки её воле было смешно, да не в его правилах было принуждать женщину к чему бы то ни было. Что ему оставалось делать? Уйти? Но это было невозможно чисто физически, ведь из будуара Джулии был только один выход, и чтобы его покинуть, нужно было пересечь салон, где в это время находился граф. Проходить через зал на глазах у соперника и уступать ему место... или искать повод для ссоры с этим претендентом на руку Джулии ради того, чтобы выставить его за дверь... Гастону следовало выбрать между этими двумя вариантами, и он охотно избрал бы последний, если бы имел дело с человеком своего круга и положения, но перспектива дуэли с этим деклассированным славянином отнюдь не улыбалась Дарки, и это означало для Гастона, к несчастью, перспективу разрыва связи с Джулией, связи, которую он хотел развязать полюбовно, без скандала.

Так что, следует признать, Джулия не ошибалась в своих догадках. Гастон Дарки был настроен порвать отношения с ней. С присущей ей женской проницательностью она прочитала это намерение в его глазах, и, так как такой вариант – быть брошенной любовником, совершенно не входил в её планы, она принялась тотчас же разыгрывать новую партию, которую намеревалась выиграть. Неожиданный визит Голимина стал для неё настоящим подарком, словно удачный решающий удар в конце игры, и женщина-игрок надеялась, что этот удар ей удастся. Джулия знала, что нет ничего лучшего для воспламенения угасающей любви, чем вовремя брошенный уголёк напоминания о соперничестве двух мужчин, так что она решила пожертвовать Польшей для подтверждения своего французского и парижского будущего.

Гастон, со своей стороны, говорил себе, что этот неприятный инцидент дал ему преимущество, прекрасный повод для прекращения отношений с Джулией. Сегодня он приехал к ней в некотором затруднении, колеблясь и не зная, как правильно поступить. Он уже год был вместе с Джулией д’Орсо, и это был год любви, почти страсти, год... то есть целый век в парижском мире наслаждений, в том мире, где страсть невозможно оценить цифрами. Гастону был нужен мотив, повод, чтобы перебить крылья этой страсти, и он опасался, что в решающий момент объяснений, когда мадам д’Орсо начнёт оправдываться и умолять не бросать её, Дарки не хватит сил довести разрыв до конца.

Ложный, ошибочный манёвр коричневой сирены восстановил апломб и душевное равновесие Гастона. Пытаясь пробудить его ревность, Джулия обнажила перед ним одну из своих

слабых сторон. Гастон мог простить ей всех её бывших любовников, за исключением Голимина. Мало того, что он был иностранцем, так ещё и личностью с сомнительной репутацией... и славянином вдобавок. Упомянув о графе, Джулия совершила оплошность, а прибытие этого подозрительного персонажа во время их свидания сделало невозможным исправление этой ошибки, и этот факт дал Гастону возможность почувствовать себя уверенно и осознать, что теперь он может контролировать ситуацию.

В ожидании возвращения мадам д'Орсо из её злополучной экскурсии в Польшу он лихо-радочно ходил по будуару, приостанавливаясь, когда до него через двери и обивку будуара доносились крики, а затем продолжал мерить его шагами, чтобы заглушить в себе желание подслушать происходящее в соседней комнате.

Салон, куда субретка ввела графа, был смежным с будуаром, где остался Гастон, и он спрашивал себя, почему Джулия не увела своего славянина в другую комнату.

Особняк Джулии был довольно большим, если не сказать, огромным, так что у неё не было проблем с выбором комнат. Была, например, галерея-библиотека на английский манер, расположенная так далеко от будуара, что там можно было спокойно драться на дуэли или застрелиться, без опасения, что шум будет услышан в этом кокетливом убежище мадам д'Орсо.

В своих размышлениях Гастон вскоре дошёл до такого, на первый взгляд парадоксального умозаключения, что Джулия была совсем не против того, чтобы он, можно сказать, эвентуально, нет, скорее практически присутствовал при её беседе с Голиминым.

Гастон решил, что она нарочно старается говорить так громко, чтобы значительная часть слов её беседы с поляком дошла до его ушей, а чуть позже он уже даже уверил себя в том, что Джулия об этом заранее договорилась с поляком, но тут Дарки абсолютно ошибался.

Если же судить о происходящем беспристрастно, то следовало признать лишь то, что градус их разговора постепенно повышался, и надо было бы быть глухим, чтобы не расслышать фрагменты этого диалога.

Гастон прекрасно различал оба голоса, которые иногда чередовались, а иногда также и смешивались в общий хор. Голос Джулии был тёплый, очень женственный, а баритон польского графа – серьёзный, едкий, неритмичный.

А, если говорить серьёзно, в это время в салоне мадам д'Орсо разыгрывалась настоящая драма. Джулия пыталась превратить её оперетту, но разъярённый поляк толкал её во тьму дьявольских страстей.

- Это бесчестно! – кричал славянин.
- Обойдёмся без грубых слов, – вокализировала французская дива.
- Значит, вы хотите, чтобы я убил себя!
- Вы хотите покончить с собой из-за женщины?
- Да... если я её обожаю... и не могу жить без неё.

И после этих взрывов эмоций следующий куплет разговора опускался на тон ниже. Очевидно, граф, переходя на минорный лад, пытался умиротворить неумолимую даму полусвета, которая ему отвечала отказами под сурдинку.

В результате Гастону пришлось испытывать на себе разнообразные пытки. Когда дуэт поднимался до высоких и резких нот, он останавливался в четырёх шагах от дверей и с трудом сдерживался, чтобы не выйти на сцену и не выбросить этого наглого иностранца на мостовую, поляка, требовавшего от Джулии, чтобы она за ним последовала в какие-то затерянные, богом забытые страны, где обычно на помойке заканчивают свою жизнь подобные неудачники. Порядочный человек не позволяет себе грубо обращаться с фрегатом, который плавал под его флагом, и когда их речитатив возвращался в нежные и тихие ноты, Гастон злился на себя за то, что оказался в такой смешной ситуации.

- Зато теперь, – ворчал он, чтобы успокоиться, – я радикально излечился от своей любви.

Впрочем, ситуация стала усложняться, так как, судя по всему, развязка не могла заставить себя долго ждать, и действительно, финал стремительно наступал. Джулия не любила длинных сцен, и стала делать купюры в своих театральных репликах.

– Значит, – продолжил Голимин низким голосом, – вы отказываетесь уехать со мной?

– Это вполне решено, мой дорогой, – спело сопрано. И затем последовала фермата³, – Позже вы меня поблагодарите за это.

– Нет, это невозможно, потому что вы никогда больше не увидите меня живым.

– Опять! Вы чересчур много говорите о смерти. И вопреки вашим зловещим речам, ещё раз повторю: «До свидания... через три или четыре года... когда вы найдёте другое золотое дно в Калифорнии... или в других странах... то тогда...»

– Вы присоединитесь к вашему любовнику, – загремел глубокий контрабас. – Я вас слишком презираю, чтобы убить, но при этом проклинаю, и вы увидите, чего стоит проклятие мертвеца!

После этой фразы пятого акта раздался шум неистово закрываемой двери. Занавес упал, спектакль был закончен.

Гастона мало интересовал этот поляк, который действительно злоупотреблял словами, но и холодные насмешки мадам д'Орсо ему опротивели, и он её спокойно ожидал, чтобы окончательно с ней объясниться.

Джулия возвратилась с театральной сцены в салоне спокойной, почти улыбающейся, и Гастону лишь показалось, что в её глазах продолжал мерцать огонь не угасшей страсти, да немного покраснели её щеки.

– Наконец-то, – сказала д'Орсо, – я освободилась от этого бесноватого поляка. Для него самого было бы лучше, если бы Мариетта не впустила его в мой дом. Теперь Голимин больше никогда сюда не вернётся.

– Я ему верю, – холодно сказал Гастон.

– Вы слышали наш разговор?

– Нет, я его не слушал. Но был вынужден услышать... да... несколько слов... Вы слишком громко беседовали!

– И Вы думаете, что граф Голимин действительно меня так любит, так, как об этом мечтают многие женщины... с яростью... бешенством... до самоубийства, наконец?

– Когда мы хотим убить себя, то не кричим об этом так громко.

– Я вам уже сказала, мой дорогой, что вы совсем не знаете Голимина. Именно такой сумасшедший, как он, без малейших раздумий взорвал бы Париж, лишь бы только удовлетворить одну из своих фантазий.

– Меня мало волнует, кем он является или не является на самом деле, но я очень надеюсь, что никогда не встречу его на своём пути.

– Вы правы, мой друг, я вам слишком много рассказываю об этом польском бунтовщике, и я вас прошу меня извинить за те неприятные моменты, которые вам только что пришлось пережить. Вы могли бы обидеться на меня за ту ситуацию, в которой невольно оказались. Ещё раз подчёркиваю, что это случилось невольно, не по моей вине, и вы были так любезны, что позволили мне лично выгнать моего преследователя из дома. Я вам действительно должна быть признательна за это, а вы знаете, что я всегда оплачиваю свои долги, – сказала Джулия с улыбкой, которая растопила бы и ледяное сердце восьмидесятилетнего старца.

– Пока что же именно я оплачиваю всё это великолепие, даже чашку этого чая, который прибыл вчера из Москвы, минуя Варшаву. – подумал про себя Гастон, и ответил Джулии уже

³ Фермата (итал. *Fermata*) – остановка, задержка, знак музыкальной нотации, предписывающий исполнителю увеличить по своему усмотрению её длительность, обычно, в 1,5—2 раза.

вслух, – Тысяча вам благодарностей за эту милость. Но я должен оставить вас до полуночи, а уже половина двенадцатого, так что хочу вам сказать, что увы... вынужден раскланяться.

Джулия в этот момент уже изобразившая свою привычную позу на кушетке, которую она принимала, когда хотела кого-нибудь очаровать, вдруг резко спросила:

– А что вы хотели мне сказать?

– Что я решил, наконец, пойти на службу в магистратуру. Хочу начать карьеру судебного следователя, пойти по стопам своего дядюшки.

– Я так понимаю, что сообщив мне эту серьёзную новость, вы проигнорируете меня сегодня в опере. Для того, чтобы судебному следователю без ущерба для репутации посетить меня в моей ложе, вам придётся одеть чёрное платье и сбрить ваши усы ради маскировки.

– Нет, не сейчас. Я не собираюсь моментально менять свой образ жизни.

Ясным и холодным взглядом, как лезвием шпаги, мадам д'Орсо окинула лицо своего любовника.

– Эта новость означает фактический разрыв наших отношений, о котором вы меня уведомляете столь грациозно, не так ли? – спросила она после короткого молчания.

– Всего лишь только расставание, – парировал молодой человек, склоняясь перед женщиной в полупоклоне.

– Есть слово честнее. То, что вы произносите, им не является.

Гастон вздрогнул от обиды, но сдержался и достаточно спокойно ответил:

– Вы никогда не верили, я думаю, что наши отношения будут вечными. Я всегда поступал с вами, как порядочный человек... и я вас оставляю, потому что карьера, которую я хочу сделать, меня к этому вынуждает... и я знаю, что для меня это тягостная необходимость.

– Вы хотите этим сказать, что завтра, в последнем букете гардений, который мне принесут от вас, я найду чек на внушительную сумму? Я вам его отошлю назад, мой дорогой. Я не хочу ваших денег без вас. Что я буду делать? Я богата, и если мне будет нужен преемник на ваше место, я возьму его не за богатство, а за другие качества, так же, как я взяла вас.

Гастон снова склонился перед ней в поклоне, не отвечая на эти обидные слова. Сцена с поляком экипировала его в рыцарские доспехи из брони, одинаково защищающие его как против упрёков, так и против лести.

– Без сомнения, именно ваш дядя-судья вложил в вашу голову добродетельное идею заменить меня однажды на другую женщину. И вы осмеливаетесь утверждать, что это не он решил вас женить! Никогда в это не поверю.

– Вы забываете, что мой дядя холост, и потому не может испытывать тяги к этому институту гражданского состояния.

– Тут дело в должности, которую вы однажды унаследуете. Причина, к тому же, в том, что он заботится о вашем с ним имени, чтобы оно было увековечено в веках. Во втором поколении Дарки, чьим отцом станете вы, поставит апостроф после буквы «де» в вашей фамилии и станет аристократом д'Арки.

Гастон чувствовал, что терпение его иссякает, и двинулся к выходу. Джулия тоже встала. Её глаза сверкали.

– Мой дорогой, – просвистела она сквозь свои жемчужные зубы, – теперь я знаю, чего вы стоите... И я жалею женщину, которая выйдет за вас замуж, если только она не поступит потом с вами также, как вы поступаете сейчас со мной. И это то, что она, разумеется, сделает. Вы не из той породы людей, что мы, женщины, которые любят безответно и беззаветно, в отличие от вас, месье Гастон Дарки.

Затем, меняя тон, она внезапно сказала:

– Признайтесь, что во всём виновата эта прекрасная Гаванка, вдова с шестьюстами тысячами фунтов ренты, которая вешает красные помпоны на своих лошадей... маркиза де Брезе?

Мне сказали, что вы её усердно добиваетесь. Но вы не являетесь единственным претендентом на её деньги и титул, и...

Дарки решил не задерживаться больше в доме Джулии, чтобы их разговор не превратился в базарную перебранку, и он внезапно открыл дверь будуара, пересёк салон и остановился лишь внизу лестницы, чтобы взять свою шляпу и пальто. Мариетта по прежнему была в спальне мадам д'Орсо, а другие слуги предавались радостям жизни на кухне, так что Гастон вышел из дома, никого не встретив на своём пути.

В то время, как Дарки спускался большими шагами по бульвару Малешербе, Джулия стояла, облокотившись на подставку со статуэткой Клодиона, и восклицала потерянным голосом:

– Брошенная женщина! Дарки меня бросил, словно куклу! Какой же душой я была! Я его принимала за простака и думала, что одним прекрасным днём он увезёт меня под венец. Почему бы и нет? Эва без проблем стала принцессой Глукофф, а начинала она гораздо хуже, чем я. Её мать была торговкой яблоками. Да... но Дарки не русский. Дарки – высокопарный парижский мещанин, к тому же, успешный, быстро растущий. Он меня безжалостно пропустил между пальцами... и именно в тот самый момент, когда я уже решила, что крепко его ухватила за самые укромные места и ему уже не выкрутиться. Ну что же... это хороший урок для меня. Это научит меня целиться выше. Но кто-то же подтолкнул его к этому шагу. Когда я узнаю об этом, то жестоко отомщу этому иуде. И ему, и его дяде, и этому его другу Нуантэлю...

И вдруг Джулию озарило внезапное вдохновение:

– Голимин... вот кто мне в этом поможет. Он меня любит, и это тот самый человек, который не отступает ни перед чем. Я отлично выбрала время для его отставки! Только как его найти. Может быть написать ему? Да, но я забыла его адрес, да и он его уже наверняка поменял за последние шесть месяцев. Впрочем, адрес должен быть на визитной карточке, которую он вчера у меня оставил, когда я отказалась его принять. Где же она, эта карта? Ах! Кажется, Мариетта её положила на столик в стиле Буль, что стоит посередине галереи.

Когда мадам д'Орсо хотела какую-нибудь вещь, действие незамедлительно следовало вслед за идеей. Она тотчас же направилась к галерее, которая находилась на другом конце первого этажа. Салон был освещён, а галерея нет, и поэтому Джулия вооружилась подсвечником.

Войдя в галерею, она была изрядно удивлена тем, что нашла там на серванте горевшую свечу. Неяркий отблески света от неё едва проникали в высокие и глубокие проёмы готических окон с витражами, и когда Джулия дошла до последнего окна, ей показалось, что она увидела мелькнувшую тень человека на каменной плите стены.

Джулия была отнюдь не боязлива, и чуть продвинувшись вперёд, по меховой шубе сразу узнала этого человека, который, казалось, прислушивался к чему-то, стоя на подоконнике окна. Джулия воскликнула:

– Голимин...! Что вы делаете здесь? Что это всё означает...?

И почти тотчас же продолжила:

– Господи, висельник! – Прошептала она. – Он повесился!

Её рука уронила подсвечник и кровь, казалось, моментально замёрзла в жилах.

Зал в полумраке казался огромным. Потолок терялся в тени, и свеча, догорающая на серванте, освещала проём окна своими угасающими отблесками. Полная темнота была бы менее устрашающей, чем эти прерывистые отражения, моментами освещающие черты сведённого судорогой лица Голомина и позволяя мельком разглядеть едва видимый безобразный силуэт повешенного.

Джулия в ужасе отступила назад и застыла напротив деревянной обшивки библиотеки, бледная, с дрожащими руками и буквально остекленевшими глазами.

Она хотела кричать, но её голос ей не повиновался. Она хотела убежать, но ноги отказывались двигаться, ужас приковал её к холодным плитам пола. Она хотела отвести свой взор от висящего трупа, но не могла это сделать. Абрис висельника притягивал, словно магнит.

Это был действительно Голимин. Бешеный славянин сдержал своё обещание, и его последние слова буквально звенели в ушах мадам д'Орсо: «Вы ещё узнаете, чего стоит проклятие мертвеца.»

Теперь Джулия её понимала, эту угрожающую фразу, и от нервного перевозбуждения ей вдруг ясно представилась сцена самоубийства, как это всё произошло. Голимин, взбешённый её отказом, пересекает безлюдный дом и бросается в эту галерею, куда, как он точно знал, никто не войдёт. Когда поляк встречался с Джулией, она почти никогда не заходила в библиотеку. Голимин хладнокровно, на ощупь, не поднося поближе оставленной на серванте свечи, дошёл до крайнего проёма в стене с витражным окном, подтащил к нему табурет, встал на него, сорвал шнур с тяжёлой гобеленовой шторы, сделал скользящую петлю вокруг шеи и... шагнул с табурета в вечность.

– Вот, следовательно, какова его месть, – думала Джулия. – Он повесился у меня дома, чтобы произвести как можно больше шума известием о своём самоубийстве. Завтра весь Париж будет знать, что разорившийся и опозоренный Голимин повесился в доме своей любовницы... Скоро начнут говорить о его сообщниках и любовницах, и женщины, которые меня ревнуют, и мужчины, которые меня ненавидят, начнут ворошить и вытаскивать на свет божий всякие давно забытые гнусные истории. Кто знает, не скажут ли они, что это я убила Голимина? И Дарки, который слышал мою ссору с этим несчастным человеком, возможно, он не опровергнет тех, кто будет говорить об этом.

Затем Джулия принялась сожалеть о покойнике.

– Сумасшедший! – Говорила она еле слышным голосом, – он был безумнее в сто раз, чем я могла себе представить... Как я могла ему не поверить. Я же знала, что на самом деле сердце у него было в сто раз больше, чем у всех тех дураков, что его презирали... но убить себя в тридцать лет! Умереть тогда, когда в нём было ещё столько юношеской отваги, ума, и понимания того, как снова сделать состояние, достичь успеха! Ах! Как он меня любил...! И если бы я могла воскресить Гжегоша, я бы ему сказала: «Да, я готова за тобой последовать куда угодно!»

И внезапно Джулию поразила одна мысль:

– А если он не умер, – прошептала она, – если обрезать этот шнурок... Нет... нет... слишком поздно... Это было бы бесполезно... Но я не могу больше здесь оставаться... Нужно действовать, чтобы меня не обвинили, что это я его убила... Необходимо позвать Мариетту и послать её предупредить о случившемся полицию.

Джулия вспомнила, что в галерею ещё не был проведён звонок, соединяющий его со спальней, где она видела субретку, и потому пошла к серванту, чтобы взять свечу, которая всё ещё горела и освещала место самоубийства, потому что свеча в подсвечнике, который несла Джулия, войдя в холл, погасла, упав на пол, и она не осмеливалась пересекать без света эту длинную галерею, в конце которой болтался в петле покойник.

Мадам д'Орсо с трудом пересилила себя, и после минутной заминки прошла, отворачиваясь, мимо зловещего окна, и ища подсвечник вдруг увидела, что рядом с ним лежал лист бумаги, вырванный из тетради.

– Это он написал, – тихо сказала Джулия, – мне, без сомнения... на прощание.

И она прочитала слова, начертанные карандашом:

«Меня убила Джулия д'Орсо. И моё последнее желание состоит в том, чтобы деньги, находящиеся в моем портмоне, были распределены между парижскими бедняками. Также я прошу французские власти вручить письма, находящиеся в моём портмоне, адресатам, фамилии которых написаны на конвертах.»

– Письма! – Прошептала Джулия. – Мои возможно... Да, Гжегош их сохранил... он мне об этом сказал, когда пытался напугать, напоминая, что у него в руках есть доказательство,

которое может меня заинтересовать... и его последняя мысль была о том, чтобы раскрыть тайну нашей связи. Ах! Теперь я знаю, чего стоит проклятие мертвеца.

Она застыла на несколько секунд, потрясённая этим новым ударом, но затем снова воспрянула духом:

– Это бесчестно... то, что он сделал. Голимин посчитал, что один из моих слуг обнаружит его тело, и что эта бумага будет им вручена комиссару полиции, а я не смогу этому помешать... но он не предусмотрел, что именно я найду его тело... и теперь его письмо в моих руках и никто его не увидит... я его сожгу и... никто также не увидит моих писем к Голимину.

Джулия поднесла листок к огню свечи, и в одно мгновение это странное завещание превратилось в пепел.

Но остались ещё письма в кармане мертвеца.

– Я никогда не осмелюсь их взять, – произнесла д'Орсо совсем тихо.

Проем, который Голимин выбрал, чтобы умереть, был в шести шагах от серванта, и труп выделялся, как чёрный призрак на фоне прозрачных витражей. Галерея наполнялась потёмками. Везде царила тишина, зловещее могильное молчание. Джулия была в ужасе от страха, и дрожала то ли от него, то ли от неожиданно окутавшего её с головы до ног холода.

– Они мне нужны, эти письма, – тихо повторяла Джулия. – А свеча скоро погаснет... И Мариетта может прийти... Я не хочу, чтобы она меня нашла здесь, рядом с трупом.

Джулия взяла подсвечник дрожащей рукой и двинулась к окну. Её горло сжималось от страха, губы были сухи, она ощущала жжение в корнях волос, как будто их прижигали раскалённым железом. Каждый шаг, сделанный ею, мучительной болью отдавался в мозгу. Иногда ей казалось, что она слышит голос голос Голимина, призывающий её к себе.

Дойдя до зловещего проёма, она закрыла от страха глаза, и... опять уронила подсвечник, чей бронзовый звон показался ей сродни похоронному. Подняв его, она опять посмотрела на тело поляка.

Ноги висельника почти касались паркета, так как шнур, на котором он висел, растянулся под весом тяжёлого тела, его голова склонилась на грудь, а лицо исчезло в меховом воротнике его шубы.

Но, чтобы найти портмоне, нужно было дотронуться до трупа, рыться в его одежде.

– Нет, я не могу, – шептала Джулия, не осмеливаясь поднять глаза. Она боялась вновь увидеть черты человека, который, как выяснилось, боготворил её при жизни, взглянуть на его губы, которые её целовали и ласкали её тело. Ей было необходимо ощупать грудь этого мертвеца, в которой раньше билось горячее сердце, к которому она совсем недавно нежно прижималась, и ужас, сковавший её члены был сильнее интереса к содержимому карманов шубы Голимина. Однако Джулия быстро переборола свой страх, подняла, наконец, глаза на покойника и заметила, что один из боковых карманов шубы висельника оттопыривается и из него торчит кожаный кончик увесистого портмоне.

Конечно, Голимин его туда засунул неспроста. Он хотел, чтобы кожаный футляр был побыстрее обнаружен и это не должно было стать приятной новостью для его бывшей возлюбленной.

Мадам д'Орсо поняла это, и её страх окончательно улетучился, уступив место злости на покойника, после смерти желающего доставить ей максимум неприятностей. Она поставила подсвечник на столик в стиле буль, где чуть раньше нашла визитную карточку графа, и взяв кончиками пальцев портмоне, открыла его.

Вначале Джулия вытащила из него банковские билеты, три пачки по десять тысяч, последние средства неудачника, побеждённого парижской жизнью, подъёмные, зарезервированные для того, чтобы начать новую жизнь за границей.

Джулия едва взглянула на эти шелковистые банкноты, которые, обычно, она отнюдь не презирала, и лихорадочно стала открывать другие отделения портмоне. Она там нашла то,

что искала – письма, перевязанные шёлковой нитью, письма источающие приятный запах духов с ароматом чая, реликвии любви, ставшей для Голимина, бывшего, как все поляки, особенно набожным, буквально святыми.

Мадам д'Орсо взяла их, а затем положила банковские билеты назад в портмоне, засунула его в карман покойника и вышла из галереи, не осмеливаясь даже обернуться.

Когда она вернулась в свой салон, после полумрака галереи показавшийся Джулии радостно освещённым, к ней вернулось обычное её хладнокровие. Она тихо пересекла комнату, бесшумно возвратилась в будуар, и закрылась в нём на замок, ведь Мариетта могла зайти и без вызова, а Джулия не хотела, чтобы она увидела письма.

План действий уже созрел в её очаровательной головке. Она решила вызвать горничную, послать её под каким-нибудь предлогом в библиотеку, и ожидать от неё известия об обнаруженном там повешенном. Дабы никто у неё не требовал объяснения, требовалось, чтобы никто не мог и подумать о том, что она нашла труп раньше других, и тогда её никто не сможет обвинить в том, что она касалась руками портмоне Голимина.

Но вначале Джулия хотела сжечь свои письма. Нужно было уничтожить доказательства её бывшей связи с Голиминым, а для этого требовалось набраться мужества и дотронуться до них.

Мадам д'Орсо собиралась бросить пакет с бумагами в огонь, но вовремя одумалась. Ей показалось, что он был более объёмным, чем полагалось быть связке только с её письмами. Она их в своё время написала Голимину немало, но не настолько уж много, как в этой пачке.

Джулия быстро развязала шёлковый шнурок, и увидела, что любовные записки были разделены графом на четыре пакета. Её горячий любовник отсортировал и разместил в таком порядке свои сердечные документы, как если бы речь шла о деловых бумагах.

Джулия взяла в руки один пакет, сразу же узнала свою подпись и была изрядно удивлена тем, что нашла приколотой к этой связке этикетку с пометкой:

«Мадам д'Орсо, бульвар Малешербе, 199.»

– Знали бы вы, что в них написано, – сказала она с горечью.

Ещё более она была удивлена, когда заметила, что три остальных пакета также имели этикетку с именем и адресом.

– Почему Голимин сделал это? – спросила она себя. – Хотел воспользоваться этими письмами, чтобы использовать тех, кто их написал? Его уже обвиняли прежде в том, что он обманул таким способом, используя женские слабости, одну знатную даму. Нет, я поверю скорее, что он оставлял за собой право принять решение после встречи со мной. Если бы я согласилась поехать с ним за границу, возможно, он попытался бы воспользоваться тайнами, которыми обладал. У него оставалось очень мало денег... а у меня он бы не посмел попросить. Когда Голимин принял решение умереть из-за моего отказа уехать с ним, он не думал больше ни о чём, кроме мести ко мне. Гжегош прекрасно знал, что комиссар полиции не постесняется начать расследование в отношении мадам д'Орсо. Кто я такая... всего лишь дама полусвета, в то время как мои соперницы – знатные светские замужние женщины, я в этом уверена.

И поразмыслив несколько секунд, Джулия продолжила:

– Однако, если я захочу...! На них начертаны имена... Он дорожил только мной, а что бы сделал Голимин, если бы не покончил с собой... Почему я должна испытывать жалость к тем, кто меня презирает? Баронесса дю Бриаж изменила свой день посещения оперы только потому, что её ложа рядом с моей, а она не хотела быть моей соседкой. Да, но речь не о ней. От кого эти письма?

Мадам д'Орсо прочитала имя, предназначенное получателю первого пакета.

– Я её не знаю, – прошептала она. – Мещанка, без сомнения. Если бы она была одной из светских дам, что у всех на виду, я наверняка слышала бы о ней. Бедная женщина! В какой ужас повергнет её новость о самоубийстве Голимина! И как она меня благословит, когда я верну ей её письма! Потому что я хочу ей их вернуть. Почему я должна ей вредить?

Посмотрим на других.

Окинув взглядом вторую связку писем, она воскликнула:

– Это она! Эти письма от неё! Ах! Я ведь знала, что Голимин был её любовником, хотя он всегда это отрицал. О, Боже, маркиза отдалась искателю приключений из Польши. А ведь все эти дураки, которые забрасывали Голимина грязью, ссорились бы друг с другом за честь сочетаться браком с этим созданием, а она пренебрегла ими, предпочтя Гжегоша! Ах! И ей я, возможно, верну её письма, но сделаю это на моих условиях... и тоже не потребую денег.

В этот момент в дверь будуара тихо постучались и, прежде чем открыть замок, мадам д'Орсо спрятала корреспонденцию в карман своего пеньюара, ведь был ещё и третий пакет, надпись на котором она до сих пор не успела посмотреть.

– А, это ты... что ты хочешь? – Спросила Джулия у субретки, которая уверенно ответила:

– Мадам мне приказала остаться в спальне, и извините меня за то, что я там заснула перед огнём камина а, пробудившись, увидела, что уже за полночь. Я подумала, что месье Дарки должен был уже уехать...

– Он ушёл, по крайней мере, не менее часа тому назад, но я не нуждалась в твоей помощи. Пойди, поищи мне газету «Фигаро», которая должно быть на столике Буль в библиотеке, а затем займись моим ночным туалетом.

Камеристка исчезла с проворством мыши. Джулия, оставшись одна, использовала счастливый момент одиночества, чтобы спрятать письма в секретный ящик в небольшом шкафчике из дерева розы, и стала спокойно ждать мрачного известия от камеристки, к которому она внутренне уже была готова.

Три минуты спустя, буквально сметённая порывом ужасом, Мариетта влетела в будуар, невнятно бормоча одеревеневшим языком:

– Мадам...! Ах! Мой Бог...! Если бы вы знали, что я только что увидела! Граф... Он...

– Что? Он спрятался в особняке, чтобы выслеживать меня?

– Он умер, мадам! Повесился!

– Повесился?!

– Да, мадам.... На одном из окон в библиотеке. Я не знаю, как я не упала в обморок от страха.

– Это ужасно! – воскликнула мадам д'Орсо, не затруднившись даже хоть немного побледнеть, – Зови ливрейного лакея... кучера... Всех... Скажи им, пусть они бегут искать врача и предупредят комиссара полиции... врача вначале... возможно, есть ещё время, чтобы спасти жизнь этого несчастного человека.

ГЛАВА II

Немного ранее, едва выйдя из особняка мадам д'Орсо, Гастон Дарки спустился вниз по бульвару Малешербе, словно заключённый, только что сбежавший из тюрьмы и опасаясь, что его поймут и снова туда вернут. Он пришел к Джулии озабоченный поиском более безболезненного способа разрыва с любовницей, а уходил с лёгким сердцем и благословлял случай, который привёл поляка к д'Орсо.

– Эти богемные иностранцы могут показать себя и с хорошей стороны, – радостно говорил себе Дарки. – Без сцены, которую он устроил Джулии, я думаю, что у меня не хватило бы мужества разорвать наши с ней отношения. И, однако, она не должна быть в обиде на меня. Наш любовный роман длился целый год и обошёлся мне в сто тысяч, принимая во внимание чек, который я пошлю ей завтра утром, чтобы Джулия не слишком расстраивалась. Она мне сказала, что не примет его, но держу пари, что немного поартачившись про себя, она его обналичит. Но я... я не ошибся, бросив Джулию. Она меня уводила бы и дальше чересчур далеко от моей главной цели в жизни. Мой дядя мне бросится на шею, когда я ему скажу завтра: «Всё закончено...», как это случилось в водевиле «Шляпка из итальянской соломки» Эжена Лабиша и Марк-Мишеля.

Мадам д'Орсо действительно увела бы очень далеко Гастона Дарки от жизни, к которой он стремился, но следует, к его чести, признать, что точно не страх потратить на Джулию всё вплоть до последнего луидора и непременно при этом элегантное банкротство блестящего парижского кавалера с последующей нищетой заставили его совершить этот шаг. И это не было даже следование наставлениям его дяди, который последовательно проявлял свою мудрость в советах своему непутёвому племяннику и ради его будущей судебской карьеры настоятельно просившего прекратить эту связь с куртизанкой, пусть и лучшей из этого племени.

Гастон Дарки действительно намеревался попасть в магистратуру, а для этого ему нужно было распрягать свой дьявольский экипаж, отказываясь от кутежей, ужинов до утра и модных девушек. Но эти прекрасные помыслы и советы, вероятно, никогда бы не привели к нужному результату, если бы чувства к Джулии не были задушены более серьёзным чувством, предметом которого была отнюдь не она.

Джулия ошибалась только наполовину, считая, что Гастон бросает её, чтобы жениться на другой. Да, Гастон действительно любил другую женщину, или, скорее, собирался её полюбить, так как ещё не видел ясно её, эту любовь, не ощущал в собственном сердце.

Дарки был восхищён тем, как легко и быстро он завоевал свободу и испытывал потребность поделиться с кем-нибудь своей радостью. Спать ему совершенно не хотелось, и если бы он знал, где находится его дядя, то не отсрочил бы на следующий день визит, который намеревался ему нанести, чтобы обрадовать хорошей новостью уже сегодня. Но дядюшка ежевечерне выходил в свет, так что Дарки не стал разыскивать его в салонах парижского пригорода Сен-Оноре, а остановил первый же фиакр, который проезжал мимо, и отправился в свой клуб в Сен-Мишель, где частенько коротал вечера за приятной беседой, бокалом шампанского, игрой в карты и бильярд.

Гастон точно знал, что в этот час он там встретит своих друзей, и между прочим, того самого капитана Нуантэля, которого мадам д'Орсо так возненавидела, не будучи даже знакома с ним. Женщинам присущ врождённый чудесный инстинкт чувствовать и угадывать людей, настроенных по отношению к ним враждебно.

Клуб, членом которого Гастон состоял, не был самым аристократическим в Париже, но, возможно, был наиболее популярным, поскольку он был тем самым клубом, где рисковали в карточной игре больше и крупнее, чем в других, тем, который посещали, преимущественно, молодые кутилы и большие игроки. Дарки там очень ценили, так как он обладал всеми теми

качествами, чтобы нравиться людям, живущим ради удовольствия. Он был разумен, не рассказывал длинных историй, и... не выигрывал слишком часто.

Когда Дарки вошёл в большой салон, окрашенный в багровые тона, семь или восемь собеседников собрались вокруг камина. Именно такой кружок вокруг неяркого пламени, вырывающегося из дубовых дров, был информационным центром клуба, и каждый участник этих посиделок приносил туда между полуночью и часом ночи последние вечерние новости. Разумеется, наиболее востребованными были скандальные анекдоты, и не было недостатка в комментариях по поводу наиболее свежих.

Первая фраза, которую Дарки поймал на лету, была такой:

– Знали ли вы, что Голимин был её любовником, и что он творил всяческие безумства ради неё? Представляете, сколько требуется сил и обаяния, чтобы вытянуть так много денег из поляка... правда, говорят, он не стеснялся в средствах на женщин... даже напротив....

Тот персонаж, кто держал эту речь, был высоким статным господином, таким смуглым донжуаном, который специализировался на поисках удачи в женской части иностранной колонии Парижа. Более узкой направленностью его деятельности на этой ниве любовных обольщений были русские и американки.

Он прервал своё словоизлияние внезапно, заметив Дарки, который уловил, что настал удачный момент, чтобы выступить с принципиальным заявлением.

Все в клубе знали о его связи с Джулией, и он не был рассержен тем, если бы публично обсуждался его разрыв с ней. Это был один из способов сжигать за собой мосты и корабли, отрезая путь к возвращению. Дарки ещё опасался своей слабости, и не был уверен, что вдруг, внезапно, под влиянием воспоминаний о Джулии, он может к ней вернуться с покаянными словами.

– Речь идёт именно о мадам д’Орсо? – Спросил он.

– Нет, – ответил один милосердный собеседник. – Пребор говорил о прекрасном поляке, которого здесь склоняли во всех времена прекрасного французского языка.

– И который в былые времена имел связь с Джулией д’Орсо, как это известно каждому в Париже... но то, чего вы не знаете, так это то, что я больше не нуждаюсь в милостях этой прелестной персоны.

– Как, ты с этим покончил...?! – Хором воскликнули клубмены.

– Абсолютно верно. Ничего нет прелестней кратковременного сумасшествия.

– Не столь уж короткого. Мне кажется, дорогой друг, что эта связь длилась несколько сезонов. И разрыв, он произошёл полюбовно?

– Да. Мы же не присягали друг другу на вечную верность.

– Блажен, кто верует! И я полагаю, мой дорогой, что у вас была веская причина объявить о выходе из игры, ведь Джулия очень красива, а разума у неё на четверых, хотя она и не светская дама. Расспросите побольше об этом Пребора.

– Или графа Голимина. Она их хорошо знает.

– По поводу этого графа, или «так называемого графа»... Вы знаете, что с ним стало? – спросил Дарки молодой финансист, один из самых крупных и заядлых игроков Клуба.

– Эка честь для него, интересоваться мне его судьбой! Я полагаю, что он на грани разорения. Поляк больше нигде не появляется, а это плохой знак.

– Почему вы мне сказали этого раньше, ведь я имел глупость одолжить ему пять тысяч.

– Следовательно, вы будете сегодня хмуриться весь день?

– Нет, но я совершил эту глупость в вечер игры в баккара у маркизы де Брезе. Видя, что его принимают в этом доме, я подумал, что ничем не рискую.

– Маркиза принимала Голимина ещё совсем недавно, но с недавних пор закрыла перед ним двери своего особняка. Когда он прибыл в Париж, его повсюду принимали за вельможу.

Надо сказать, что он был великолепен... вокруг него буквально благоухал воздух настоящего славянского принца.

– И у Голимина было много денег. Я лично видел, как он потерял три тысячи луидоров на спор, после ужина в английском кафе. И он их оплатил следующим днём ещё до полудня, всю сумму до единого сентима

– Да, это было время, когда все женщины Парижа страстно любили его. У него была особая манера одеваться и быть ведущим в тандеме.... и затем, он не пасовал перед ударом шпаги. Поляк даже врезал брутальному красавчику де Моверу, который его намеренно толкнул локтём в фойе Оперы.

– Побойтесь бога, господи! – воскликнул красавчик Пребор, – послушать вас, так этот потрёпанный жизнью боярин был совершенным дворянином. Вы немного подзабыли, что он всегда бежал впереди плохих слухов о состоянии своего счета.

– Да, это правда, – подтвердил один кавалерийский офицер, – такие типы чрезвычайно распространены в том мире, где мы развлекаемся, и я всегда спрашивал себя, как он смог найти поручителей, которые дали ему рекомендации для вступления в члены нашего Клуба.

– И поручителей очень респектабельных. Это генерал Ласко и доктор Сен-Труа. Держитесь! Стоит заговорить о волке, как... вот и доктор, который маневрирует по залу, чтобы приблизиться к камину...! Кажется, что он хочет здесь приземлиться... И там же виден наш дорогой Ласко, который, по-видимому, ищет четвёртого партнёра для игры в вист.

– Они мне оба не нравятся, ни тот, ни другой, ни ваш доктор, ни ваш генерал. Генерал откуда... из какой страны и каких войск? А доктор? Интересно, с какого факультета?

– Ласко – генерал вооружённых сил Перу. Что касается его превосходительства Сен-Труа, то он получил степень на факультете в Квебеке. Он из старинной нормандской семьи, эмигрировавшей в Канаду. Если они и согласились поддержать Голимина, то это только потому, что в то время, когда они его представили нам, никто не сомневался в его кредитоспособности. Но они уже давно прекратили давать ему рекомендации.

– Откуда вам это известно...? Что касается меня, то я ненавижу всех этих иностранцев. Всегда задаёшься вопросом, на что они живут в нашей стране?

– Ну вот! И вы поддались той же самой страстишке, что и наш друг Лолиф, который всегда и повсюду видит тайны. Он накануне вообразил, что этот Голимин – самый настоящий атаман банды разбойников, занимающейся ночными разбоями, о которых сейчас столько пишут в газетах! У нашего доброго приятеля Лолифа есть приятная мания придумывать судебные романы.

– Ну, разбои, пожалуй, не он придумал. Позавчера бандиты ограбили и почти задушили малыша Шарна, который выходил из Императорского Клуба с семнадцатью тысячами франков, выигранными в карты в экарте.

– Чёрт возьми! Если эти разбойники принялись обирать выигравших в карты в частных клубах, то, кажется, отныне будет не так уж огорчительно больше не выигрывать, – воскликнул молодой финансист, который делал это часто и успешно.

Дарки сказал о том, что он хотел сказать, и то, что он услышал только что о графе Голимине, не добавило ровным счётом ничего нового к уже известному ему, так что этот разговор его больше не интересовал, и он пошёл искать своего друга Нуантеля, но пересекая красный салон, мимоходом был перехвачен генералом-перуанцем.

– Дорогой господин, – сказал ему воинственный трансатлантический полководец, – только вы и вы являетесь тем самым человеком, который мог бы спасти нас в нашем затруднительном положении. К моему великому сожалению нас только трое, тех, кто умирает от желания сыграть в вист по одному луидору за фишку. Не хотели бы вы присоединиться к нашему столу? О...! Пожалуйста, хотя бы только до тех пор, пока к нам не вернётся наш отлучившийся партнёр.

Дарки попросил его извинить и дать ему маленькую паузу для принятия решения, после чего справился у камердинера, не прибыл ли капитан Нуантэль.

– Нет. Капитан ещё не появлялся в клубе, – ответил слуга.

Гастон не хотел уходить прежде, чем не увидит его, и он знал, что разумеется, Нуантэль обязательно придёт сегодня, а поскольку болтовня у камина начинала становиться ему неприятной и в то же время нельзя было сказать, что он ненавидел вист, Дарки счёл возможным принять предложение генерала, хотя этот персонаж и был ему мало симпатичен.

Господин Ласко был человеком с приятным лицом и хорошими манерами, и Дарки поддерживал с ним внешне приятельские отношения, которые, впрочем, абсолютно ни к чему не обязывают в их кругу.

В тот вечер будущее казалось Гастону довольно радужным, и он охотно забыл о своих антипатиях.

Стол, за который он присел на стул левее генерала, находился недалеко от камина и расположившихся там собеседников, но их непринуждённый разговор иссяк к тому времени, и молчаливые любители игры в вист смогли спокойно предаться своему самому излюбленному развлечению в мире.

Доктор Сен-Труа с Квебекского факультета не участвовал в игре. Он предпочёл присоединиться к группе, которая сидела перед тлеющим очагом.

В это время в салон вошёл чрезвычайно упитанный и толстощёкий молодой человек – почти точная копия прусских снарядов, что врезались в парижские мансарды во время бомбардировок французской столицы.

У этой вновь прибывшей персоны было красное лицо и волосы в полном беспорядке, он надувался, как тюлень и точно также, как это животное, громко пыхтел, а посему и был замечен всеми присутствующими ещё в то время, пока поднимался по лестнице.

Десять восклицаний прозвучали одновременно:

– Лолиф! А вот и сам Лолиф! Господа, это тот самый человек, кто нам расскажет всё о последних парижских преступлениях. Давайте, сюда, идите к нам Лолиф, поведайте нам о каком-нибудь уголовном деле. Где труп, в каком месте его обнаружили, расчленили и спрятали?

– Всё шутите господа, – высокопарно произнёс Лолиф, вытягиваясь во фронт. – Посмотрим, как вы будете шутить сейчас и как вытянутся ваши лица, когда я вам расскажу о том, что видел только что.

– Так говорите же, не тяните.

– Приготовьтесь к тому, что вы услышите наиболее удивительную, наиболее сногшибательную новость, более того... невероятную...

– Достаточно прилагательных! К делу!

– Я не могу говорить до тех пор, пока не буду уверен, что вы меня внимательно слушаете.

– Начинайте же уже, рассказывайте Лолиф! Мы – сплошное внимание.

– Итак! Вообразите себе, что этим вечером я ужинал у моей кузины, которая виновата уже даже в том, что живёт в конце проспекта Ваграм...

– Он что, собирается нам зачитать меню ужина у своей кузины?

– Господа, не прерывайте римского оратора.

– Так вот, отужинав, я вышел из дома кузины ещё до полуночи и возвращался пешком, куря сигару, когда у входа на бульвар Малешербе я заметил скопление народа на пороге одного дома... особняка... и угадайте с трёх раз, чьего...? Вы правы, на пороге особняка Джулии д'Орсо!

– Полноте! У неё что, был пожар?

– Нет, не пожар. Это была полиция.

– Давайте по порядку! Вероятно, Джулия устроила тайный заговор против правительства. Не зря её видели в Сен-Огюстене... в годовщину...

– Вы не там ищите решение загадки, мои маленькие друзья. Послушайте, я стараюсь обратить ваше внимание на то, что там стояло с полдюжины полицейских на тротуаре и два агента службы безопасности в вестибюле и на первом этаже и, наконец, сам комиссар, занятый составлением протокола.

Лолиф говорил так громко, что вистёры не имели никакой возможности пропустить ни одного слова из его повествования, и этот рассказ начинал интересовать Гастона Дарки, да настолько, что он забыл, что пришел его черёд сдавать карты.

– Ваша очередь, – вежливо напомнил ему генерал.

– Да, господа, – повторил Лолиф, – сам комиссар. И знаете ли Вы, что он делал у Джулии?

– К черту недомолвки, Лолиф, вы же знаете, что, несомненно, нам это не известно.

– Так вот, месье, он пришел для того, чтобы заняться выносом тела господина, который покончил жизнь самоубийством в особняке этой самой д'Орсо.

– От отчаянной любви к ней, вероятно? Это... это вершина... вершина невезения, так как Джулия никогда и никого в этой жизни не огорчала, – иронично заметил кто-то.

– Подождите! – воскликнул Лолиф, принимая позу актёра, собирающегося бросить в зал эффектную реплику. – Это было тело господина, которого вы все знаете... графа Голимина!

– Это невозможно! Люди закалки Голимина не убивают себя из-за женщины.

– Что бы там ни было... сделал он это из-за женщины или был другой мотив этого его решения, я вам утверждаю, что Голимин повесился в галерее её особняка, на шпингалете окна библиотеки.

– Как! Вы бьёте моего короля девяткой, – воскликнул партнёр Дарки.

– А вы, генерал, вы положили только что вашу даму на мой валет, когда у вас ещё семь и восемь на руках, – рассерженно сказал партнёр месье Ласко.

Новость, только что провозглашённая пронзительным, как звук охотничьего рожка, голосом Лолифа, очевидно весьма расстроила двух игроков в вист, и их партнёры безжалостно использовали ошибки обоих потерявших внимание в игре игроков.

– Я не знаю, что со мной происходит сегодня вечером, – сказал будущий судья. – Я не в форме. Прошу меня извинить, господа и, чтобы вы не стали жертвой моей рассеянности, я вас покину. Я должен девять фишек, так что вот, пожалуйста, девять луидоров.

Генерал получил золото и тоже встал, одновременно с Дарки.

– Должно быть, здесь ужасно жарко, я себя что-то не очень хорошо чувствую, – негромко извинился он перед другими игроками, оставляя стол.

Гастон совсем не удивился внезапному недомоганию Перуанца, впрочем, оно его мало интересовало. Сам же он приблизился к камину, чтобы услышать продолжение рассказа, начало которого его очень расстроило, ведь Голимин, обнаруженный мёртвым у Джулии, этот поляк, который должен был выйти из её дома задолго до него... в это что-то не очень верилось.

Прилично взволнованный и довольно обеспокоенный этой новостью, Дарки смешался с группой, обсуждавшей произошедшее.

– Что бы вы сделали на моем месте, господа? – продолжал говорить Лолиф. – Я хотел получить информацию, и я её получил, гарантирую вам.

– Но вы ведь родились не для того, чтобы стать репортёром.

– Нет... а для того, чтобы стать следователем. Весь Париж будет завтра судачить об этом деле, но я лично в состоянии рассказать вам о том, как всё произошло. У меня информация непосредственно от комиссара.

– Он вас скоро возьмёт на работу агентом безопасности.

– Нет, мне это не нужно, мне и без того всё известно. Я знаю всех комиссаров и даже их секретарей. Итак, господа, допрос подозреваемой уже закончен, и он полностью оправдал Джулию д'Орсо

– Значит, её всё-таки подозревали в том, что это она убила Голимина?

– Мой дорогой, в этих случаях всегда подозревают кого-нибудь. И потом, есть замечательная аксиома: «Шерше ля фам» – ищите женщину. Но, ещё раз хочу вам сказать, что мадам д'Орсо была очень убедительной в своих объяснениях. Она рассказала, что этот поляк по собственной инициативе пришел к ней, даже несмотря на её запрет посещения её особняка, что подтвердили слуги мадам д'Орсо, и устроил ей сцену. Можете себе представить... он требовал, чтобы она последовала за ним в Америку, и всё потому, что она якобы любила его раньше!

Внезапно, заметив Гастона, который стоял позади него, Лолиф пробормотал:

– Простите, мой дорогой, я вас не заметил.

– О! Не чувствуйте себя стеснённым из-за меня, – произнёс Дарки, стараясь улыбаться. – Мадемуазель д'Орсо больше не смотрит в мою сторону. Я порвал с ней... вчера.

– На самом деле? Это здорово для вас, просто удачное стечение обстоятельств, так как в конце концов, вас также могли бы допросить в связи с произошедшим, а это всегда неприятно. Итак, на чём это стало быть я остановился? Ах! Как я вам говорил, Голимин, основательно поиздержавшийся и решивший перебраться за моря, мечтал уехать не в одиночку. Он остановил свой выбор на Джулии, ведь у неё есть ценные бумаги, рента, великолепный особняк и картины, которые могли бы украсить любой музей мира. Честное слово, эти славяне не упустят ничего. Как говорится, что наше, то наше, а что ваше, так это мы ещё посмотрим! Ах! Если бы Джулия согласилась на это предложение, её бы ожидала приятная жизнь в Польше! Какой там у них самый крупный городок... Варшава? Или это русская колония? Извините, но в политике и географии я не такой крупный знаток, как в криминалистике! Да, несомненно, некоторое время она провела бы достаточно приятно! Но мадам д'Орсо не столь глупа! Она без всяких обиняков отказалась от этого предложения и выставила графа за дверь, в связи с чем наш Голимин, вместо того, чтобы уйти прочь из её особняка и отправиться восвояси в свою Польшу, пошёл в библиотеку-галерею Джулии и не нашёл ничего лучшего, кроме как повеситься между картинами Коро и Диаза. Неплохой, между прочим, выбор для поляка. Несомненно, у него был неплохой вкус!

– Это что неправдоподобное. У д'Орсо полно слуг и никто не может циркулировать по её дому, как по овощному рынку в субботу.

– Слуг много, но как и у всех, сплошные лентяи, кроме одной бойкой горничной, и именно она мимоходом в библиотеке и обнаружила Голимина, подвешенного за шею в проёме окна. И Джулия, тотчас же проинформированная ею об этом событии, не потеряла голову, и послала эту самую горничную искать врача и предупредить полицию.

– Между нами говоря, лучше бы она перерезала первым делом верёвку на шее висельника.

– Господа, – серьёзно ответил на их реплики Лолиф, – женщине очень даже простительно не осмеливаться касаться трупа своего бывшего любовника. Впрочем, это было бы абсолютно бесполезно. Голимин умер за час до того, как горничная его нашла, и именно сам комиссар мне об этом сказал.

– Целый час! – думал Дарки. – Неужели я был ещё у Джулии, когда славянин покончил с собой. Она должна была сказать об этом полицейским, так как теперь у неё нет причин оберегать меня от неприятностей, а это значит лишь одно – завтра моё имя будет фигурировать в полицейском отчёте. Красивое начало карьеры в магистратуре!

– Но, – спросил Лолифа генерал-перуанец, который следил его за рассказом с явным интересом, – разве граф не оставил какой-нибудь предсмертной записки... Чтобы хотя бы объяснить мотив своего поступка...?

– Нет, – ответил Лолиф. – И это вполне естественно, ведь он ведь не думал себя убивать, когда пришел к Джулии. Она отказалась следовать за ним в непонятные дальние страны, и поляк повесился от бешенства, выслушав этот отказ. Это, несомненно, импровизированное самоубийство, спонтанный, а не продуманный акт.

– Факт заключается в том, – вдруг произнёс Ласко, – что этот бедный Голимин был очень экзальтированным человеком. Я его знал прежде... в Перу... и моя вина в том, что я его представил здесь, в вашем обществе. Я ошибся на его счёт, и когда узнал впоследствии о нём не самые приятные вещи, то решил прекратить видеться с ним. Но постигший этого Голимина финал его жизни меня не удивляет. Я знал, что он был способен на большие странности, а эта, последняя, действительно, самая большая из всех тех, что способен совершить человек.

– Повеситься ради мадам д'Орсо... действительно, это поразительно, – воскликнул Пребор. – Но, согласитесь со мной, какое гадкое воздействие на сознание мужчин имеет эта прекрасная Джулия.

– Мне кажется, – сухо сказал Гастон, – что если рассказ Лолифа точен, то ей не в чем себя упрекнуть.

Дарки никогда не любил этого фата, который бесконечно хвастался своими успехами у светских дам и афишировал презрение к барышням полусвета.

– Дарки прав, – поддержал его офицер. – Женщина никогда не отвечает за глупости, которые ради неё совершает зрелый мужчина.

– Итак, – спросил Ласко с некоторым колебанием, – неужели ничего не нашли на Голиmine... никаких бумаг...?

– Прошу прощения, – ответил Лолиф, – я не успел вам сказать, что полиция обнаружила тридцать банкнот в тысячу франков в его портмоне. И именно это стало явным доказательством того, что в этом деле поведение мадам д'Орсо было правильным... если не сказать... безупречным!

– Только потому, что она не ограбила этого бедного поляка после его смерти. Какая заслуга, нечего сказать! – воскликнул Пребор. – Ведь она и без того очень богата!

– Черт возьми! Вот это да! – пробормотал финансист, – у кого же я теперь потребую пять тысяч франков, что я одолжил этому Голимину... неужели у маркизы?

– А у кого ещё требовать...? У комиссара полиции?! И затем, у вас ведь нет расписки, а Голимин должен был оставить целый флот фрегатов и стаю акул из кредиторов. Если он обладал только теми деньгами, что были на нём, каждому из них, возможно, достанется по целому луидору.

– Но, – возразил Лолиф, – ничто не указывает на то, что граф не имел ничего, кроме этой суммы. Он всегда роскошно выглядел, да и сейчас на мертвеце была великолепная шуба.

– Вы его видели! – воскликнул Ласко, – вы уверены, что он был одет в шубу?

– Очень даже уверен. Сам я этого не видел, но полицейские агенты меня проинформировали об этом. Портмоне с тридцатью тысячами франков было в кармане шубы с воротником из соболя.

Генерал-перуанец не настаивал на других подробностях. Он, вероятно, узнал всё, что хотел выяснить, и тут же отделился от группы беседующих и присоединился к своему другу Сен-Труа, который в это время выходил из салона. Дарки, по-видимому, также узнал достаточно, чтобы тут же удалиться от камина. Рассказ об этой драме привёл его в большое недоумение. Он почти упрекнул себя в том, что невольно вызвал смерть человека, который, между тем, почти не интересовал его до сих пор, так что появление в клубе капитана Нуантэля доставило ему большое удовольствие, ведь в этот момент он испытывал потребность открыть сердце другу. Нуантэль, если можно так сказать, был своим в доску. Они давно знали друг друга, ещё со времён осады Парижа пруссаками. Дарки, будучи добровольцем, был прикомандирован к штаб-квартире одного генерала, чьим адъютантом был Нуантэль. А когда люди связаны

войной, находясь рядом друг с другом под огнём неприятеля, это связывает их на всю жизнь. Впрочем, дружба часто имеет контрасты, как и любовь. Итак, у этого Ореста и Пилада⁴ не было ни похожих характеров, ни одних и тех же вкусов, равно как и одинакового ощущения жизни.

Нуантэль, подавший в отставку сразу же после войны, смог обеспечить себе приятное существование в Париже с пятнадцатью тысячами франков годового дохода. Дарки же не умел скучать, не нанося ущерба своему более значительному состоянию на гораздо большую сумму. Нуантэль любил только сознательно, а Дарки был импульсивен, легко поддавался эмоциям. Один был мудрец, другой обладал лёгкой бесшабашностью в поступках, из чего следовало, что они не могли произойти один из другого. И слава Богу!

– Мой дорогой, у меня есть для тебя одно известие, требующее твоего тщательного осмысления, а затем и совета, – сообщил своему другу Дарки, ведя Нуантэля в угол, удобный для конфиденциального разговора.

– Неужели... свершилось то, о чём многие мечтали, и ты решился, наконец-то, порвать с мадам д'Орсо?

– Как ты догадался. Да, я сделал это!

– Неужели! И когда?

– Сегодня вечером. Но это ещё не всё. Поляк, который был её любовником прежде, до меня, повесился сегодня ночью у неё дома.

– Это мне уже известно. Ласко и Сен-Труа только что рассказали мне об этом. Я их встретил на лестнице. Ты сожалеешь о поляке?

– Нет, но сейчас ты увидишь, как далеко простирается моё неведение. Я отправляюсь к Джулии в десять часов вечера с твёрдым решением объясниться с ней и расстаться окончательно, и в то самое время, когда я сижу в её будуаре и собираюсь с духом, ища подходящий момент и повод для расставания, вдруг заявляется этот Голимин...

– И ты его выставил за дверь!

– О! Нет, я его не видел. Джулия меня оставила в будуаре, в то время как она сама поучала его правилам хорошего тона в своём салоне, и именно она, а не я, выставила этого поляка за дверь... к несчастью, так как он не нашёл ничего лучшего, как пойти в её библиотеку и повеситься там. Я уехал, ничего не подозревая о случившемся, и только здесь узнал о том, что произошло в библиотеке. Этот дурак Лолиф случайно впутался эту историю и рассказал её всему клубу... и продолжает болтать и дальше.

– Знает ли он, что ты был этим вечером у мадам д'Орсо?

– Нет, не хватало только этого, и если бы ему это было известно, Лолиф и об этом сейчас бы трепался по всем салонам. Но, к сожалению, рано или поздно он об этом узнает. Допускаю также, что если Джулия даже и промолчала обо мне и ничего не сказала полицейским, то её горничная обязательно проболтается.

– Черт! Это неприятно. Если бы ты не вбил себе в голову мысль стать судьёй, для тебя это было бы только полбеды. Но твой дядя, судья, будет взбешён этой новостью. Так что это событие тебя научит лучше выбирать подруг для любви.

– Ты, мой дорогой Нуантэль, выбрал прекрасное время для чтения нотаций. А, между тем, я прошу у тебя совета, а не проповеди.

– Хорошо, мой дорогой, пусть будет так, и я тебе рекомендую во всем признаться твоему дяде. Он будет рад узнать, что ты порвал с Джулией, и в знак благодарности за этот мудрый поступок возьмёт на себя обязанность убрать твоё имя из полицейских протоколов.

– Ты прав. Я пойду к нему завтра.

⁴ Орест и Пилад были двоюродными братьями, связанные столь тесной и бескорыстной дружбой, что были готовы пожертвовать жизнью ради друг друга. Сила этой дружбы стала понятием нарицательным, как «Пиладова дружба».

– И кроме того я тебе рекомендую жениться, и чем раньше, тем лучше. Не нужно искать утешения в новых красивых цыпочках из дам полусвета. Если ты их начнёшь избегать, то быстро найдёшь себе хорошую партию.

– Кого, например?

– Мадам Камбри, черт возьми! И хотя она вдова, это правда, но вдова в двадцать четыре года, и это огромный плюс, а не недостаток, и к тому же, кроме того, что она прелестна, у неё шестьдесят тысяч ливров годовой ренты. Ты будешь вполне счастлив... и у тебя будет много детей, словом, всё, как в волшебных сказках. А я обучу их верховой езде... и ты прославишься превосходными зваными ужинами, на которые буду приглашён и я... и если ты не будешь настаивать на желании стать судьёй, то станешь не меньше, чем премьер-министром нашего государства... или генеральным прокурором.

– Это было бы прекрасно. Но есть одно маленькое неудобство. Дело в том, что я не чувствую в себе никакого влечения к светским дамам.

– Тогда, Гастон, мой друг, это значит, что ты совсем не изменился, как пытаешься это сейчас изобразить передо мной.

– Ты забываешь, что я только что окончательно расстался с Джулией.

– Нет, совсем нет, и только потому, что ты её оставил, и оставил без мотива, я уверен в том, что не ошибся в тебе. Я тебя знаю, мой мальчик. Природа тебя одарила сердцем, которое не приспособляется к междуцарствию. Пустое место никогда не бывает вакантным. Посмотрим! В кого ты мог влюбиться? Может быть это блистательная маркиза де Брезе? Она стоит того, чтобы хорошо потрудиться. Тоже вдова, но вдова десяти миллионная.

– Я нахожу её великолепной, но влюблён в неё не более, чем в Венеру Милосскую.

– Следовательно – это какая-то другая красавица. Я уверен в моем диагнозе.

– Ты знаешь меня лучше, чем я сам себя, так как, пребывая в ясном сознании, я не мог бы тебе поклясться, что влюблён... или, наоборот, что нет. Мне самому об этом ничего неизвестно. Возможно, где-то есть девушка, которая мне очень понравится. Я её, можно предположить, полюблю, но полагаю, что пока я ещё никого не люблю. Звучит немного бредево, но это так на самом деле. И пока этого не случилось, я завтра сообщу моему дяде, что решил стать серьёзным человеком, и попрошу его ускорить моё назначение в суд.

Капитан больше не настаивал на своём мнении. Он ценил скромность в их дружбе и понял, что Гастон хотел бы промолчать о своей новой страсти.

В этот момент, впрочем, их свидание тет-а-тет было прервано Пребором и некоторыми другими персонами, которым надоела болтовня Лолифа, и они подошли к Гастону с предложением присоединиться к игре в Баккара.

У Дарки было время, чтобы оправиться от волнений, причинённых ему рассказом о самоубийстве Голимина, и он мог уже более хладнокровно поразмышлять о последствиях, которые могли иметь для него значение в связи с этим странным происшествием. Он говорил себе, что в конце концов, ему не в чем себя упрекнуть, и что у Джулии нет большого интереса скомпрометировать его. Гастон намеревался, впрочем, вознаградить молчание дамы, увеличив цифру прощального подарка, и намеревался не забыть при этом и горничную. Он почти успокоился и решил ещё раз всё взвесить, стоит или нет ему отказываться от прежнего образа жизни и становиться кандидатом на должность судьи.

Возможно, он также был рад, что сумел ускользнуть от допроса Нуантеля по поводу состояния его сердечных дел.

Капитан, бывший весьма снисходительным ментором, не пытался задерживать своего друга, и Гастон последовал за игроками вглубь салона, где он проводил каждую ночь за игрой в Баккара.

Партия была в разгаре, и Дарки стало невероятно везти. За три часа он выиграл десять тысяч франков, ту самую сумму, которую он собирался поутру отправить мадам д'Орсо, и ему хватило мудрости остановиться и уйти, унося с собой эту честно заработанную прибыль.

Несколько бойцов уже покинули поле битвы за неимением боеприпасов, в том числе и красавчик Пребор, который уехал из клуба в очень плохом настроении.

Дарки, не обижаясь, получил свою долю насмешек, брошенных в его адрес побеждёнными им соперниками по карточному столу и отправился к выходу. Нуантэль, который регулярно возвращался к себе домой в час ночи, давно уже покинул клуб, поэтому Гастон спулся по лестнице в обществе Перуанца, нахваливавшего его за карточный триумф. Его друг, доктор Сен-Труа, отправился спать намного раньше, но генерал, мучившийся жестокой бессонницей, любил засиживаться допоздна и Баккара была его излюбленным развлечением. Сам он не играл, но получал большое удовольствие от наблюдения за ней.

Этот заморский генерал не долго удержался в русле этой темы и ловко перескочив на мадам д'Орсо, стал жалеть Дарки в связи с тем, что он оказался замешан в это неприятное дело, и ему пришлось порвать с такой прекрасной особой, а также принялся порицать поведение поляка, который столь не деликатно повесился у неё дома.

Ласко столь навязчиво об этом говорил, что Гастон наконец-то понял, что генерал пытается выудить у него сведения о характере и привычках Джулии. Это показалось ему нескромным, как, впрочем, и персонаж, с которым он беседовал, и Гастон в корне пресёк этот разговор, став прощаться с господином Ласко, как только они закрыли дверь дома клуба.

Но иностранец не отчаялся, и попытался продолжить разговор.

– Вы сегодня без вашего великолепного купе, – произнёс он, быстро рассмотрев кареты, которые стояли вдоль тротуара. – Мы с вами оба живём в одном квартале на Елисейских полях, так что нам по пути. Вы не будете против, если я вас подвезу?

– Я вас благодарю за это любезное предложение, – ответил Гастон. – Но на улице хорошая погода, и я хочу пройти пешком.

– Гм...! Это неосторожно. Много говорят об участвовавших нападениях в общественных местах, а у вас с собой довольно круглая сумма и, держу пари, нет при себе оружия.

– Никакого, кроме моей трости, но я не верю всем этим рассказам про ночных грабителей. Доброго вам вечера, ме-сье.

И, оставив генерала, Дарки быстро пересёк бульвар и бодрым шагом направился к церкви Маделен.

Он жил на улице Монтень и был не прочь немного прогуляться перед сном. Было сухо и не слишком холодно, путь был не таким уж длинным, так что побыть на свежем воздухе было полезно для него, чтобы рассеять лёгкую головную боль, вызванную волнениями этого непростого вечера.

Хотя было уже довольно поздно, невдалеке виднелись силуэты нескольких прохожих в окрестностях новой Оперы, но дальше бульвар был пустынным.

Гастон шёл не торопясь, его трость была зажата под одной из рук, которые он засунул в карманы своего пальто, и думал он о чём угодно, но только не о всяких нудных вещах, о каких-то таинственных ночных разбойниках, истории о которых заполнили страницы всех парижских газет.

Подходя к Маделен он не встретил на своём пути ни одной живой души, хотя пересекая Королевскую улицу, заметил мужчину и женщину, бредущих бок о бок у входа на бульвар Малешербе.

В этой встрече не было ничего чрезвычайного, но особняк мадам д'Орсо был в конце этого бульвара, и странная ассоциация пришла на ум Дарки.

Мужчина был высоким и тонким, как Голимин, а женщина была примерно такого же размера, как и Джулия, и она несколько раз оборачивалась назад, как будто чего-то опасалась.

Гастон знал, что они похожи только внешне, поскольку Голимин умер, а общеизвестным фактом было и то, что Джулия не появляется на улице пешком в подобный час. Но эта идея, промелькнувшая в его голове, заставила Дарки уделить повышенное внимание к этой паре.

Он увидел, что женщина пытается избежать мужчину, который шёл рядом с нею и понял, что присутствует при одной из маленьких сцен, столь часто разыгрывающихся на парижских улицах. Исследователь уличной жизни, Дарки знал, что такие приключения не приведут к серьёзным последствиям, и что в девяти случаях из десяти всё заканчивается тем, что преследуемая полюбовно договаривается со своим преследователем, и поэтому Гастон не пытался прийти на помощь женщине, которая, собственно говоря, о ней и не просила, и в общем-то, по-видимому, и не нуждалась в ней.

Между тем, эта дама часто меняла направление движения, то влево, то вправо, и настолько убедительно изображала желание оторваться от сопровождающего её мужчины, что Гастон почти поверил, что она не играет комедию сопротивления. Казалось, что женщина совсем не поощряет ухаживания назойливого кавалера, но он не отставал от неё, снова догонял и склонялся над нею, говоря, по-видимому, комплименты и делая предложения.

Дарки был слишком парижанином, чтобы опрометчиво вмешиваться в дела такого рода, но имел некоторую склонность к донкихотству, и его темперамент заставлял принимать сторону слабых. Скептик в отношении женщин, которые прогуливаются по городу в три часа ночи, он не был, между тем, человеком, способным вытерпеть, чтобы их принуждали к чему-нибудь против их воли и у него на глазах.

Вместо того, чтобы удалиться, он остался на тротуаре Королевской улицы, решив посмотреть, чем закончится эта история, и вмешаться, если его об этом попросят.

Ему не пришлось долго ждать. Женщина заметила Дарки и напрямиком направилась к нему, по-прежнему преследуемая ожесточённым её сопротивлением охотником.

Сомневаясь, только ли намерение найти у него защиту двигало этой женщиной, Гастон всё же выдвинулся вперёд, и когда мужчина проходил мимо газового фонаря, он его узнал. Это был Пребор, красавчик Пребор, который прилюдно всегда хвалился тем, что искал все свои завоевания на любовном фронте исключительно в высшем свете, и у Дарки тотчас же возникла идея, что незнакомка не была простой авантюристкой, и что этот смуглый ловелас её знал и хотел этой случайной встречей скомпрометировать.

Эта мысль только укрепила его в решении защитить женщину от этого фата, и он стал маневрировать таким образом, чтобы пропустить голубя и преградить дорогу ястребу.

И Гастон оказался, таким образом, лицом к лицу с Пребором, который воскликнул от неожиданности:

– Как! Это вы, Дарки!

Услышав его имя, голубка, которая улетала, резво размахивая крылышками, внезапно остановилась и подбежала к Гастону.

– Месье, – сказала она ему, – не оставляйте меня, я умоляю вас. Когда вы узнаете, кто я, вы не будете сожалеть о том, что защитили меня.

Голос был изменён от волнения, однако Гастону он показался знакомым. Лицо, скрытое под густой вуалеткой, оставалось невидимым, но сейчас был не самый удобный момент, чтобы попытаться проникнуть в тайну замаскированной дамы, так как Дарки должен был прежде всего освободиться от Пребора.

– Да, это – я, месье, – сухо сказал он ему, – и я беру мадам под мою защиту. Вы возражаете?

– Абсолютно нет, мой дорогой, – ответил на это Пребор, внешне не выказывая и намёка на раздражение. – Мадам, кажется, из числа ваших подружек. Я не смог сразу разгадать эту загадку, и теперь, когда мне стал известен этот факт, я не хочу соперничать с вами и сожалею лишь о том, что напрасно потерял время. Не сомневаюсь, что вы будете счастливее меня, так

как вам сегодня во всём сопутствует удача. За сим откланяюсь, и прошу вашу прелестную подругу принять мои извинения, а также желаю вам хорошей ночи, – добавил наглец, разворачивая пятки.

Намёк на удачу задел Дарки. Он прекрасно понял иронию Пребора, и хотел было ответить на эту наглую речь... и даже собирался догнать шутника, который неожиданно быстро ретировался, чтобы с ним поговорить начистоту, но незнакомка взяла его под руку и прошептала слова, которые успокоили Гастона:

– От имени неба, месье, не затевайте ссору из-за меня, это бы означало, что вы меня непременно потеряете.

В её голосе произошли приятные изменения, которые взяли за душу Дарки, и он тотчас же ответил:

– Вы правы, мадам. Не здесь... я успею сказать этому красавчику всё, что я о нём думаю... и я знаю, где его найти. Итак, я вас освободил от его навязчивости. Что ещё я могу сделать для вас?

– Если бы я осмелилась вас попросить сопроводить меня до дверей дома, в котором я живу, на улицу Понтю, 97?

– Улица Понтю, 97! Значит, я не ошибался. Вы мадемуазель Берта Меркантур, именно вам я имел счастье оказать эту маленькую услугу.

– Как! Вы меня узнали?

– Ваш голос. Его невозможно забыть, если вам посчастливилось хотя бы единожды его услышать... ещё более невозможно забыть вашу красоту... вашу грацию...

– О! Месье, пожалуйста, не нужно комплиментов. Если бы вы слышали все те, которым я подверглась только что... И мне кажется, что мой преследователь все ещё рядом.

– Да, этот дурак, должно быть, утомил вас своими пошлыми словами. И, однако, он не мог видеть вашего лица, скрытого вуалью... и не знал, с кем имеет дело на самом деле. Так что, вам нечего опасаться.

– Верю вашим словам и надеюсь, что он меня не узнал.

– А Пребор с вами знаком?

– Он меня мог видеть в салонах, где я пела... но я... Я с ним никогда не общалась, но, когда вы его называли по имени, я вспомнила, что мне он был представлен... на концерте у мадам маркизы де Брезе.

– Именно на этом концерте я имел счастье вас увидеть впервые.

– Вы очень добры, что обратили внимание на меня. И я тем более тронута вашим вниманием, что моё положение в свете довольно шаткое. Я там принята только в качестве артистки, и мне платят за то что я пою.

– Какое это имеет значение, так как воспитанием, разумом, сердцем... вы неоспоримо лучше всех тех дам, что занимают высокое положение в обществе! Впрочем, с вашим талантом вы вскоре станете звездой в театре.

– О! Я не сожалею о том, что отказалась от желания попытаться войти в этот круг. У меня нет никакого интереса к жизни, которую там ведут. Моё скромное существование меня вполне устраивает.

– И, – спросил Гастон, – одиночество, к которому вы осудили себя, не утомляет ли оно вас?

– Мой Бог! – весело ответила девушка, – я не утверждаю, что мой образ жизни представляет для меня идеал счастья, но я к нему приспособилась. Конечно, есть женщины счастливее меня. Но есть, также, и несчастнее. Послушайте! Я воспитывалась в пансионе с одной прелестной девушкой. Я её очень любила, и мы были привязаны друг к другу, хотя она была более взрослой, чем я. И что в результате! Сегодня у неё есть всё, о чём, казалось бы, можно мечтать – особняк, лошади, кареты....

– Прошу прощения, но мне кажется, что это не самое большое несчастье в жизни.

– Увы! Я об этом знаю только худшее. Моя подруга избрала плохую дорогу. После пансиона, где мы вместе учились, она стала учительницей, и пыталась начать взрослую жизнь, давая уроки. Но такой образ жизни её быстро утомял. Она была такой же сиротой, как и я... И такой же бедной... и в этом положении мужество оставило её, проявив к ней невнимательность, так что Жюли Бертье теперь зовётся Джулией д'Орсо.

Гастон вздрогнул, и мадемуазель Меркантур это ощутила, так как она шла с ним под руку, и они поднимались в пригород Сен-Онора, прижимаясь друг к другу, как двое влюблённых.

– Вы её знаете? – спросила Берта. – Да, конечно, вы должны её знать, так как вы живете в мире, где...

– Весь Париж её знает, – прервал девушку Дарки, – но вы, мадемуазель, не встречаетесь с ней больше, я предполагаю?

– О! Нет. Между тем, Жюли мне написала однажды, два года тому назад, просила меня об одной услуге. Я могла ей в этом помочь и пошла к ней. Она мне показала свои картины... Свои предметы искусства... Бедная Жюли! Она оплачивает всю эту роскошь слишком дорого.

Дарки воздержался от того, чтобы возражать. Слишком большим счастьем для него было узнать, что мадемуазель Меркантур игнорирует, вольно или невольно факт его близкого знакомства с мадам д'Орсо, и он нисколько не старался её дополнительно проинформировать по этому деликатному вопросу.

Со своей стороны, мадемуазель Меркантур сожалела, возможно, о тех признаниях, что она только сделала, так как девушка замолчала, и разговор внезапно оборвался.

Это молчание позволило Дарки услышать отчётливый шум шагов, который уже некоторое время раздавался на тротуаре, сопровождая их беседу.

Первая мысль, пришедшая ему в голову, когда он их услышал позади, была о том, что это что Пребор передумал и решил последовать за ними.

Гастон резко повернулся и заметил на довольно большом расстоянии человека, чья походка не имела ничего общего с походкой смуглого ловеласа. Это был мужчина, передвигавшийся тяжёлым шагом и характерными для пьяного зигзагами. На нём, должно быть, были обуты тяжёлые сапоги, так как гвозди на их подошвах звонили по тротуару пригорода Сен-Онора, как удары молотком по колоколу. Так мог ходить только работяга-пьяница, возвращающийся домой после тяжёлого трудового дня и не интересующийся никоим образом парой, которая ему предшествовала.

Успокоенный увиденным, Дарки принялся размышлять над странностями парижской жизни.

В начале зимы, на музыкальном вечере у маркизы де Брезе он заметил красоту и талант молодой артистки, которая восхитительно пела итальянские арии. Он справился о ней и узнал, что она была из почтенной семьи, жила на средства от своего таланта, искусством, и была вполне добродетельна. Этот феномен его заинтересовал и Дарки стал устраивать свою жизнь, распорядок дней таким образом, чтобы как можно чаще восхищаться этим талантом.

С тех пор Гастон не пропустил ни одного концерта из тех, где мадемуазель Берта Меркантур предоставляла возможность послушать свой восхитительный меццо-сопрано, и на некоторых из них, где можно было обсудить приглашённого артиста и пообщаться с ним, он смог побеседовать с девушкой и оценить её ум, грацию и прекрасные манеры.

Так было недалеко и до ухаживаний, а Дарки не был тем человеком, который останавливался на полпути на такой прекрасной дороге. На одном из таких концертов он хотел договориться о встрече с певицей, но согласие не было получено. Когда он снова увидел Бертю на следующем концерте, она стала ему объяснять, почему считает правильным, что закрыла свою дверь перед богатым молодым человеком. Берта сделала это столь искренне, честно и,

одновременно, весело, она так мило объясняла ему, что не хочет, чтобы он любил свои фантазии, а не реальность, что Дарки влюбился в неё абсолютно, и как ему казалось, бесповоротно.

Эта была вторая фаза отношений Гастона с мадемуазель Меркантур, которая, практически, датировала его окончательное охлаждение отношений с мадам д'Орсо, чутко заметившей это изменение в его поведении, но ошибавшейся в причине этого явления.

Впрочем, Гастон не решился с головой окунуться в эту новую страсть. Жизнь, которую он вёл до сих пор, ему больше не нравилась, но идея женитьбы на Берте Меркантур даже не закрадывалась в его голову. Перспектива брака по любви с певицей не могла, априори, вызвать у него никаких чувств, ни смеха, ни радости, потому что таких мыслей у него вообще, в силу его положения в обществе, возникнуть не могло.

Пока что он принимал во внимание только то, что порвал с Джулией, и оказался, следовательно, свободным от любых обязательств.

И эта непредвиденная встреча ему внезапно предоставила возможность длительной связи с мадемуазель Меркантур. Было ли в этом некое предзнаменование? Гастон, человек суеверный, как и все игроки, поверил в это и подумал, что было бы очень глупо не извлечь пользу из этого счастливого случая. Каких бы строгих правил Берта ни была, женщина почти никогда не может отказаться от того, чтобы снова увидеть человека, чью защиту она приняла в опасной ситуации, и эта прогулка вдвоём могла бы продвинуть Дарки достаточно далеко в эвентуальных интимных отношениях с осторожной артисткой.

Хотя, не столь уж осторожной, раз она рискнула выйти в Париж в такое неподобающее для девушки время, к тому же, без сопровождающего.

Эта мысль, на которую Гастон вначале не обратил своё внимание, несмотря на то, что она уже давно бродила где-то в дальних частях его подсознания, вновь стала вертеться у него в голове. В принципе, всё происшедшее было достаточно странно и подозрительно.

Как гуляка и повеса, а его дядя выбрал бы определение и покрепче, Гастон не был чересчур рассержен тем, что у неприступной, как казалось до сих пор, Берты, оказалась слабость. Услуга, которую он ей только что оказал, давала ему преимущество в его усилиях по завоеванию её сердца.

И с другой стороны, ему не нравилось, что честность этой прелестной девушки оказалась только лицемерием, которое мадемуазель Меркантур скрывала под добродетельной внешностью, и хотя он не имел никаких прав на неё, ему хотелось упрекнуть девушку за обман.

Это был серьёзный симптом, и если бы Дарки потрудился не предвзято проанализировать свои ощущения, он осознал бы, что его сердце было покорено более серьёзно, чем он признавался в этом сам себе, и он пал жертвой заболевания под названием любовь.

Гастон думал о том, как развеять свои сомнения, и принялся решать эту задачу, как хорошо воспитанный человек.

– Это фатум, судьба, что вы встретили этого Пребора, – начал Дарки. – Он вышел из клуба, членами которого мы состоим, за полчаса до меня, а живёт он на улице Анжу, на углу с бульваром Осман.

– Верно, я пересекала бульвар Осман, когда он меня увидел, – ответила Берта без запинки. Я старалась разойтись с ним, перешла на другую сторону улицы, но он последовал за мной и стал мне что-то говорить, но я ему не отвечала, а этот нахал не отставал. Улицы были пустынными. Я не труслива и сначала не очень испугалась. Но когда я оказалась наедине с ним на пустынной площади, рядом с церковью Мадлен, я, признаюсь, немного потеряла голову от страха и побежала, чтобы выиграть время, на более многолюдную Королевскую улицу. Я хотела попросить защиту у первого же встреченного мной прохожего. Мой преследователь помчался за мной, догнал меня на пересечении с бульваром Малешербе и попытался взять за руку. Если бы я вас не заметила, я полагаю, умерла бы от страха.

Королевская улица

– Пребор вёл себя как неотёсанный грубиян. Завтра я отправлю к нему двух моих друзей.

– Вы не сделаете этого, – настойчиво сказала девушка. – Ещё раз подумайте о скандале, следствием которого явились бы эти ваши действия, в результате которых... все узнают, что я была одна на улице... в такой час. И затем... рисковать вашей жизнью ради меня...! Нет, нет.. Обещайте мне, что вы не сделаете этого.

Её голос дрожал, она сжимала руку Гастона так, как будто пыталась его остановить, помешать ему побегать навстречу опасности.

– Хорошо! – Ответил взволнованный Дарки, – я промолчу, чтобы не компрометировать вас. Если этому человеку удалось вас узнать... что именно вас он встретил... будет довольно подло с его стороны, если он расскажет об этой истории в обществе.

– Тогда, поклянитесь мне, что дуэли не будет, – воскликнула мадемуазель Меркантур. – Вы меня осчастливили и, чтобы вас отблагодарить, я вам расскажу, как получилось, что я оказалась на улице одна в такой поздний час, когда честные женщины обычно спят. Самое время, на самом деле, чтобы приступить к объяснениям, так как Бог знает, что вы должны были подумать обо мне.

– Я думаю, что вы пели на каком-то концерте, – произнёс Дарки невинным голосом, скрывающим, между тем тайный смысл.

Будущий судья говорил, как следователь, который протягивает обвиняемому карту с маршрутом, ведущим его корабль к подводным камням, не отмеченным на ней.

– Если бы я пошла на концерт, – возразила тотчас же девушка, – я была бы в вечернем туалете и не возвращалась бы домой пешком. Я вам собираюсь доверить все мои тайны, – добавила весело мадемуазель Меркантур. – Знайте, что у меня есть сестра... сестра, которая вышла замуж за моряка. Её муж возвращается в Париж через два дня из длительной морской восемнадцатимесячной кампании, а моя сестра сейчас одна и очень больна. Она мне написала письмо и попросила прийти к ней провести вместе вечер в молитвах. Я появилась у неё к десяти часам вечера, и в то время, когда я собралась уходить, её сразил нервный кризис, один из тех, что с ней иногда случаются. Я не могла оставить сестру в таком состоянии и была с ней до тех пор, пока ей не стало лучше. Когда я вышла от неё, было уже два часа ночи. Я не вызвала фиакр... ведь у моей сестры нет слуг, чтобы сделать это... и подумала, что смогу найти фиакр на бульваре. Моя больная сестра живёт на улице Комартан... это в ста шагах от того дома, где я встретила этого человека.

Дарки с большим вниманием слушал этот прерывистый рассказ и находил, что мадемуазель Меркантур слегка оправдывалась, как женщина, понимающая, что совершила ошибку. В период его многочисленных экскурсий к дамам полусвета он с избытком наслушался историй такого рода, поданных с большим самообладанием девушками, которых он мог обвинить в совершенно других, сомнительных выходках, и между нами говоря, небезосновательно.

История про больную сестру или кузину в кровати, нуждающаяся в большой и немедленной помощи пользовались в этом кругу большой популярностью

Дарки, однако, воздержался от размышлений вслух по этому поводу, но его молчание было достаточно красноречивым, и девушка не ошиблась, поняв причину этого молчания. Она также замолчала на несколько мгновений, а затем произнесла взволнованным голосом:

– Я прекрасно вижу, что вы мне не верите. Но я не собираюсь оправдываться. Просто я вам постараюсь доказать, что сказала правду. Мою сестру зовут мадам Крозон. Она проживает на улице Комартан, 112, в четвёртом округе. Я пойду её навестить завтра в три часа дня. Муж сестры приезжает только послезавтра. Если бы он был уже в Париже, я не предложила бы вам такой возможности – представить вас моей сестре, так как месье Крозон ужасно ревнив. Но у моей бедной Матильды есть ещё целый день свободы, и вот, пожалуйста, мы поднимемся к ней вместе с вами. Я ей расскажу в вашем присутствии о моём ночном приключении, и таким образом, я думаю, вы будете уверены, что я ничего не придумала.

Дарки эта речь не до конца убедила в правдивости произошедшего. Он много и долго встречался с дамами полусвета и это общение сделало его подозрительным.

Мадемуазель Меркантур посмотрела на Гастона и увидела, что на его лице осталось сомнение. Она заметно побледнела и холодно заметила:

– Вы правы, месье. Это бы ничего не доказало, потому что моя сестра могла бы заранее договориться со мной и солгать. Я действительно могла бы ей написать завтра утром и предупредить, какую она должна сыграть роль, заранее её обрисовав. Но я не могу себе представить, что вы считаете меня способной на столь гадкие поступки. А если это так, тогда, пожалуйста, забудьте всё то, о чём я вам рассказывала только что, и думайте обо мне так, что вам заблагорассудится.

Акценты, прозвучавшие в этом монологе, не смогла бы симулировать самая искушённая актриса, возмущение, которое невозможно имитировать, ответы, где правда взрывается в каждом слове.

Дарки был задет за живое и понял, наконец, что не было ничего общего между этой гордой девушкой и красивыми малышками, которые слагают о себе романы, чтобы оправдаться в глазах общества.

– Простите меня, мадемуазель, – тепло сказал он, – простите меня за тот момент сомнения, что закрался в мою душу. Я вам верю, клянусь, и чтобы вам это доказать, я отказываюсь наносить вместе с вами визит к вашей сестре. Но, я надеюсь, что вы не заберёте назад ваше обещание о скорой встрече. Я был бы так счастлив вас снова увидеть... ведь именно этим счастьем я обладаю столь редко.

– Вы меня увидите в будущую субботу, если посетите в этот вечер мадам Камбри, – сказала мадемуазель Меркантур с некоторой хитринкой в голосе. – Я буду там петь арии, которые вы любите. И теперь знайте, что я тоже больше не хочу вас приводить к моей сестре, поскольку нахожу это более разумным. Ваш визит был бы некстати. У неё достаточно печалей сейчас и не следует причинять ей новые волнения.

– Я сделаю всё, что вы пожелаете, мадемуазель, чего бы оно мне ни стоило.

– Так вы придёте к мадам Камбри? Хотя, мне кажется, вы и так не пропускаете ни одной возможности увидеть меня и приходите на все вечера, где я выступаю.

– Разве вы не поняли до сих пор, что я хожу на них из-за вас? Что я страдаю от того, что не могу поговорить с вами...

– Но я думаю, что вы имеете возможность со мной разговаривать довольно часто, – ответила, смеясь, мадемуазель Меркантур. – Я не приставка к пианино и мне не возбраняется принимать участие в последующих танцах, так что, вы можете спокойно пригласить меня на тур вальса. И... мне помнится, что вы уже два раза оказали мне честь вальсировать с вами. Это было двумя днями раньше нового года.

– Вы об этом вспоминаете?!

– Конечно. А я думала, что это вы немного подзабыли этот вальс... как и о том, что уже пять минут, как мы находимся на улице Понтю. Вот дверь моего дома.

– Уже!

– Мой Бог! Да... и мне остаётся только ещё раз вас поблагодарить и сказать вам: «До свидания!»

Девушка тихо освободила его руку из своей, и поместила её на медную кнопку звонка. Вторую руку она протянула Дарки, который, вместо того, чтобы по-английски её пожать, попытался поднести губам. К несчастью для него, дверь открылась при первом же звуке звонка, а мадемуазель Берта была ловка, как газель. Она освободилась от руки Гастона, и проскользнула в дом, сказав напоследок своим золотым голосом растерянному влюблённому кавалеру:

– Ещё раз спасибо!

Опешивший Дарки остался перед дверью, которую девушка только что закрыла перед ним. Приключение заканчивалось, как в сказочных феериях, где принцесса Топаз исчезает за дверцей в тот самый момент, когда принц Сапфир почти настигает её. И Дарки не был готов в этому внезапному исчезновению, поскольку думал, что дом мадемуазель Меркантур ещё далеко, и ведя неторопливую беседу, он полагал, что она продлится вечно.

Между тем, он не мог провести всю ночь, созерцая окна своей любимой. Сумасшедшие влюбленные – это всесезонная забава для Испании, а парижская зима не располагает к пению серенад.

Мадемуазель Меркантур жила на углу с улицей де Берри, и чтобы попасть в свою квартиру на улице Монтень, Дарки нужно было всего лишь снова подняться до конца улицы Понтю, и он на это решился очень неохотно, повесив в унынии голову, после чего пошёл, прижимаясь, к стенам домов.

Лучше бы он шёл посредине улицы, потому что когда Дарки проходил через угол с улицей Колиси, какой-то человек внезапно появился перед ним и схватил его за горло.

Гастон был неосторожен, совершенно забыв истории о ночных нападениях, которые совсем недавно в его присутствии рассказывали в клубе, и о человеке, которого он издали заметил в пригороде Сен-Онора. Он думал только о Берте, когда брёл по пустынной улице, засунув обе руки в карманы, с тростью под мышкой, и уставившись глазами в землю.

Атака была столь внезапна, что у него не было времени, чтобы подготовиться к обороне. Он почувствовал, как неистово было сжато его горло, потом все вокруг поплыло, руки его болтались в пустоте, его галстук мелькнул ярким пятном перед глазами, и всё... провал в сознании... Дарки на ватных ногах осел на землю.

Он не потерял полностью сознания, но ощущения его были весьма запутаны и отрывочны. Гастон чувствовал, как у него расстегнули одежду на груди и роются в ней, но всё происходило столь быстро, что он едва сознавал происходящее.

Сколько минут произошло, прежде чем сознание полностью возвратилось к нему? Дарки этого не знал, но когда он смог снова поднять голову и пошевелить руками и ногами, то увидел, что лежит на тротуаре улицы Колиси, а напавший на него человек бесследно исчез.

Дарки с трудом поднялся и ощупав себя, с удовлетворением отметил, что жив и даже не ранен, но при этом констатировал, опустив руки в карманы, что был похищено его туго набитое портмоне, в котором было десять банкнот по тысяче франков, выигранные в Баккара, и ещё две, вложенные в него, прежде чем пойти с визитом к Джулии.

Во время этой неожиданной атаки Гастона не отпускала неясная мысль о Преборе, и это воспоминание преследовало его и сейчас, но он не мог при этом не признать сам себе, как глупо позволил себя ограбить вору, возможно человеку, который за ним следовал, имитируя пьяницу, до входа на улицу Понтю, и устроил там засаду, ожидая его возвращения.

Такого рода приключение было унинительно для джентльмена, и Дарки решил не афишировать его в клубе, где он столь часто насмехался над трусами, которые были не в состоянии защитить себя на улице.

Гастон не озаботился также тем, чтобы заявить о произошедшем в полицию, так как тогда ему пришлось бы рассказать об этом деле во всех деталях, а значит и о его ночной прогулке с мадемуазель Меркантур.

И поразмышляв ещё немного, Дарки пришел к выводу, что было бы более благоразумно промолчать об ограблении и смириться с потерей денег, которая, к тому же была не столь чувствительна, поскольку большая часть украденной суммы была отвоёвана им этой ночью у зелёного сукна.

Дарки был чрезвычайно раздосадован своим поведением этой ночью и говорил себе, что если бы он принял предложение генерала Ласко, который предлагал подвезти его в экипаже, он бы избежал этого глупого и неприятного случая. И, однако, в то же самое время, он не сожалел о том, что пошёл пешком, так как встретил, защитил и сопровождал женщину, которая была ему был намного дороже, чем портмоне.

Вскоре воспоминание об этой прелестной прогулке в приятной компании Берты Меркантур заглушило досадные впечатления от нападения, и влюблённый Гастон возвратился домой душевно спокойный, но слегка разбитый физически. И это было последнее, что случилось в эту ночь с месяе Дарки.

Он занимал большую квартиру на цокольном этаже одного красивого дома на улице Монтень с конюшней и большим садом, так как его холостяцкая жизнь и положение в обществе обязывали будущего судью вести очень респектабельный образ жизни. У Дарки был камердинер, кучер, кухарка, четыре лошади и три кареты, прислуга, словом весь тот необходимый набор, который должен быть у человека со ста тысячами франков годового дохода, и проедающего при этом только сорок тысяч.

Слуга его ожидал уже с полуночи и без лишних вопросов и причитаний промыл нившую от боли шею Гастона, на которой две твёрдые руки оставили черные отпечатки своих пальцев и виднелась красная борозда от его собственного галстука, также сыгравшего свою роль в процессе удушения и внесшего его в список жертв этой ночи, открытый трагическим финалом жизни графа Голимина.

Гастон сразу же лёг в кровать, но боль мешала ему заснуть. Странные события этого вечера, приятные и ужасные, вертелись в его в голове и, кроме того, он был взволнован тем, что ему предстояло сделать на следующий день. Дарки решил навестить своего дядю и сообщить ему о переменах в своей жизни, и при этом он не хотел принимать в расчёт скрупулёзность мадемуазель Меркантур, которая признала вполне приемлемым не представлять его своей сестре. Дарки теперь уже подумывал о том, чтобы подойти к трём часам дня на улицу Комартан и там, как бы случайно, встретить мадемуазель Меркантур, как раз в тот самый момент, когда девушка придёт с визитом к своей сестре, которая якобы так поздно задержала её этой ночью.

Влюбленные умудряются так строить свои планы, чтобы непременно встретить предмет своего обожания, а Гастон решительно был влюблён, но в этот момент мечтаний усталость привела его, наконец, в объятия Морфея.

Дарки проспал девять часов без передышки и когда открыл глаза около полудня, первая вещь, которую он заметил на журнальном столике возле своей постели, было письмо, которое его камердинер тихо, стараясь не разбудить хозяина, положил туда... письмо, конверт которого, его бумага и почерк... и даже аромат духов, исходивший от него, был ему знаком... Письмо, в каждой детали которого чувствовалась Джулия.

— Хорошо! — Сказал Гастон, растягиваясь на кровати, — я знаю что в нём... упрёки... предложения о мире и, вероятно, счёт, который нужно оплатить. Я хотел бы избежать чтения

этого списка, – Затем одумавшись, он продолжил, – Ах, черт! А самоубийство этого несчастного человека! Между тем, всё-таки необходимо, чтобы я знал, что она обо всём этом рассказала этим чёртовым полицейским.

Гастон сломал печать, которая скрепляла письмо, и прочитал:

«Дорогой Гастон, вы не предполагаете, надеюсь, что я собираюсь жаловаться на вас вам самому. Вы меня оставили, когда я поняла, что полюбила вас. Я была ни слишком удивлена, ни чересчур огорчена такой развязкой. Мы оба живём в мире, где многие вещи заканчиваются почти всегда таким именно образом. Когда достигают определённого диапазона, а следующего уже больше нет, гитара ломается. Вы должны были бы проявить больше такта, но не хочу вас упрекать за это. Это не ваша ошибка, что образ, который вас очаровывал на протяжении года, как вы меня уверяли, внезапно прекратил вам нравиться. Забудьте её, эту арию, которую мы столь хорошо пели дуэтом всё это время, станьте судьёй, женитесь... это то небольшое, что я вам желаю, и я бы не решилась вам написать этим утром, если бы не думала о том, чтобы оказать вам услугу, принимая во внимание то, что произошло у меня этой ночью.

Граф Голимин повесился в моей библиотеке от отчаяния, что я отказалась последовать вместе с ним за границу. Это был сумасшедший поступок, не правда ли? Никто из мужчин в нашем мире не вешается из-за женщины. Мужчина её отпускает... это ваши слова, и я им верю. Что вы хотите! Находятся простаки, которые воодушевляются женщиной настолько, что не отпускают её, а кончают жизнь самоубийством ради неё. Если я вам говорю об этом мрачном событии, то это не потому, что я хочу, чтобы вы меня пожалели или чтобы стать более интересной в ваших глазах. Я хочу вам только сказать, что вы не будете замешаны в этой столь печальной истории. Если бы полицейские знали, что вы были у меня в то самое время, когда граф умирал такой ужасной смертью, это бы не стало хорошей рекомендацией для министра, который собирается принять вас на службу. Успокойтесь. Они ничего не узнают. Я не рассказала о вас полицейским, которые проводили расследование. Из всех моих слуг только Мариетта видела вас, но уверяю вас, что и она тоже об этом никому не скажет. Она будет молчать, как молчу я.

Я не буду противиться тому, чтобы вы вознаградили её скромность, но я вас прошу не оскорблять меня, вознаграждая моё молчание. С меня достаточно того, что вы меня оставили. Я считаю, что вы не будете пытаться меня унижить, принимая за горничную, которую отсылают без всяких мотивов.

Я вас избавляю даже от необходимости отвечать на это письмо и надеюсь, что мы больше никогда не увидимся с вами. Между нами встал мертвец.

Прощайте. И будьте счастливы.»

Это письмо, подписанное только инициалами, было написано тонким и красивым почерком, написано женщиной, которая владеет собой и в тоже время не пренебрегает лёгким симулированием волнения, и оно... немного расстроило Гастона.

Он прекрасно почувствовал, что Джулия разыгрывает с ним свою козырную карту, и что под этими гордыми словами прощания скрывалось намерение возобновить прежние отношения. Дарки за строками этого письма увидел женщину, глубоко познавшую слабые места своего любовника и чутко играющую на них, пытающуюся вновь завоевать его своим наигранным презрением, незаинтересованностью, искусной игрой на высоких человеческих чувствах. Он не хотел позволить втянуть себя в эти сети, и был твёрдо настроен зафиксировать положение, которого он сумел вчера добиться, и ничего не менять. Что сделано, то сделано... но, в тоже самое время, он не мог не признать того, что Джулия оказывала ему услугу, сигнализируя, что она будет хранить молчание.

– Ну вот, теперь я ей обязан, – прошептал Гастон, – и чёрт возьми, если я знаю как взяться за дело, чтобы прекратить всё это. Я пошлю королевские чаевые Мариетте, она их заслужила, но... чек для Джулии мне возвратится назад, это тоже понятно. Чем его заменить? Чем чёрт

не шутит, пожалуй может получиться неплохой обмен вежливостями. Я везде буду говорить, что мадемуазель д'Орсо – самая прелестная женщина Парижа, наилучшая, и самая сердечная... что её ум простирается до кончиков её розовых ногтей. Я это заявлю во всеуслышание. И после этого у неё будет тысяча причин успокоиться. Она богата, а смерть этого поляка сделает её модной дамой в Париже. Чтобы представить даму в свете одно самоубийство, совершенное ради неё, намного лучше и значимей, чем три дуэли из-за неё. Бедный Голиммин! Я его почти не ценил при жизни, но после всего случившегося мне его даже немного жаль.... и Джулию тоже. Только... нет, больше я ничего не могу придумать для неё.

После такого безрадостного вывода Дарки позвонил своему камердинеру, поднялся и приступил к утреннему туалету.

Он почти забыл о нападении на него, попытке его задушить, потерю своего портмоне. Впечатление от письма мадам д'Орсо тоже понемногу выветрилось из памяти, и когда он сел за стол, чтобы позавтракать, голова его была заполнена лишь только приятными воспоминаниями о Берте Меркантур.

Гастон был уверен, что вскоре встретит её в салоне мадам Камбри, который он охотно и постоянно посещал, но находил, что это было чересчур долго ждать до субботы, в то время как он мог её увидеть уже сегодня днём.

После обеда, который продлился до двух часов дня, Гастон вышел из дома прогуляться пешком и направился напрямик к бульварам. Его дядя жил на улице Ружемон, и он хотел его навестить. Но случилось так, что, по-видимому, думая о Берте, ноги сами его привели к входу на улицу Комартан... Желание было слишком сильным, и он стал медленно подниматься вверх по этой блаженной улице и уже без четверти три пополудни остановился перед домом номер 112.

– Я не попрошу её представить меня сестре, – думал Гастон. – Нет, я не боюсь сестру мадемуазель Меркантур, ведь она, должно быть, довольно скучная мешчанка, но я смогу хорошенько рассмотреть в это время Берту и сказать ей... сказать ей что? Неважно, лишь бы только она поняла, что я её люблю.

Он не успел пробыть на своём посту и пяти минут, как мадемуазель Меркантур появилась со стороны улицы Сен-Лазар.

Раньше Гастон видел её только в вечерних туалетах на званных вечерах, при искусственном освещении, да ещё вчера ночью на улице, в свете газовых фонарей, которые не дают возможности насладиться ни изяществом очертаний фигуры женщины, ни красотой её лица. Освещённая солнцем чудного зимнего дня Берта ему показалась самым прелестным существом в мире. Она была одета с совершенным вкусом, изящно, без излишней провокационности... грациозная походка и... одним словом, в ней было всё то, вся та неизвестная химия, которая заставляет нас обернуться вслед встреченной на нашем пути женщине, а иногда и последовать вслед за нею.

Гастон пошёл навстречу девушке и, поприветствовав её, был немного смущён, так как увидел, что её приятное лицо нахмурилось, когда она заметила Гастона.

– Как, месье, это – вы?! – воскликнула Берта, – и это – несмотря на ваше обещание?

– Я вам клянусь, мадемуазель, что единственно только случай виновен в этом. Я просто проходил мимо и...

– Фи! Как некрасиво лгать! – Прервала его Берта с какой-то по-детски непосредственной гримасой на лице. – Было бы гораздо лучше, если бы вы признались, что продолжаете меня подозревать, и пришли сюда лишь только для того, чтобы устроить мне очную ставку с моей сестрой, словно вы следователь магистратуры.

– Нет, клянусь честью! И чтобы доказать вам чистоту моих намерений... я удаляюсь.

– Значит вы довольствуетесь только констатацией того факта, что я действительно отправляюсь в дом номер 112 на улице Комартан?

– Неужели вы думаете, что для меня не является счастьем увидеть вас хотя бы мимолётно, лишь бы только запечатлеть ваш образ в глазах и сознании?

Берта, поразмышляла секунду и, решившись, наконец, произнесла:

– О, нет, я не хочу, чтобы вы остались наедине с вашими дурными мыслями. Я не рассчитывала, конечно, что встречу вас здесь, и поэтому, следовательно, вы не можете меня подозревать в том, что я предупредила мою сестру о вашем возможном визите. Пойдёмте к ней, месье, я настаиваю. Вам, правда, придётся подняться на четвёртый этаж. Это и будет ваше наказание.

– Ну что вы... это не наказание, а награда, – весело ответил ей Гастон.

Мадемуазель Меркантур уже входила в это время в вестибюль довольно приличного дома. Дарки не заставил себя долго упрашивать, и они поднялись по лестнице рядом, буквально бок о бок.

– Это весьма экстравагантно... то, что я делаю, – говорила на ходу Берта. – Если бы мадам Камбри об этом узнала, я бы никогда больше не пела у неё.

– Почему? – Спросил Дарки, пытаясь придать себе наивный вид.

– Но... для начала... потому, что для неё не приемлемо, чтобы девушка поднималась по лестнице в обществе молодого человека... Правда, следует признать, что вышеупомянутая девушка уже заставила себя сопровождать по улице этого молодого человека. А затем, также и потому, что мадам Камбри – вдова, которая хочет выйти замуж, и вы вполне могли бы сочетаться браком с ней. Она ведь вам тоже не безразлична, не так ли?

– Я никогда не думал о ней, как о возможной для себя партии, и меньше всего, чем когда либо, я думаю об этом с тех пор, как...

– Тише! Вот мы и прибыли. Я вас собираюсь представить моей сестре и за пять минут разговора с ней вы получите всю информацию о моём поведении, господин будущий судья. Но вы мне доставите удовольствие, если на этом ограничите ваш визит, так как моя сестра больна.

Берта позвонила, и дверь открыла очень бледная молодая женщина, чрезвычайно похожая на свою младшую сестру. Она была также красива, как и Берта, но в ней не было той юной свежести, той весёлости, тех незначительных нюансов которые придавали столько привлекательности и шарма физиономии мадемуазель Меркантур.

– Как! – воскликнула Берта, – ты... в таком состоянии... и сама открываешь дверь!

– К сожалению, я одна в доме, – ответила мадам Крозон. – Я послала Софи на вокзал, чтобы встретить моего мужа, если он вдруг приедет трёхчасовым поездом из Гавра, – добавила она, попеременно смотря то на свою сестру, то на Гастона Дарки.

– Твой муж! – сказала Берта. – Я думала, что не ждёшь его раньше завтрашнего вечера.

– Да, это так, – ответила молодая женщина, – я думала, что он приедет завтра, но его судно вошло в Гавр этим утром... Я получил телеграмму от своей подруги... и, вполне вероятно, что месье Крозон сел на первый же поезд до Парижа.

– Да... Зная характер твоего супруга... это действительно возможно и, если он на самом деле приедет сегодня, я с удовольствием встречу его здесь, у тебя. Давай пройдем в салон, я хочу объяснить в двух словах, почему я пришла к тебе вместе с месье Дарки... месье Гастоном Дарки, которого я часто встречаю у мадам Камбри, и который мне вчера оказал услугу, за которую я ему бесконечно признательна.

Мадам Крозон довольствовалась этим объяснением и почтительно поклонилась неожиданному посетителю.

Салон, куда вошёл Дарки, был меблирован без роскоши, но паркет сверкал как лёд, и вы не нашли бы при всём желании и пылинки на бархате кресел.

Все это немного походило на заурядный фламандский интерьер.

На стене салона, между двумя гравюрами Жан-Пьера Мари Жазе⁵ висел весьма посредственный портрет человека, строгий и немного неприятный, портрет её мужа, без сомнения.

Около окна, выходящего на улицу, стояло кресло, на которое присела молодая женщина, показав жестом Дарки, где он может сесть, но Гастон скромно проигнорировал это приглашение и остался стоять.

– Ты себя плохо чувствуешь? – спросила Берта.

– Да. Я смогла поспать лишь только час этой ночью после того, как ты ушла от меня, но болезнь, этот ужасный нервный кризис вернулись утром, и я чувствую себя очень слабой сейчас.

– Почему ты не осталась в постели?

Сестра Берты не ответила, и глаза её незаметно, но выразительно посмотрели в сторону окна.

– Я понимаю, – прошептала мадемуазель Меркантур, – и извиняюсь перед тобой, утомляя расспросами, но не могла бы ты сказать, в котором часу я пришла к тебе вчера вечером?

– Но... к девяти часам, я думаю.

– И в котором часу ушла?

– Мне кажется, что было, по крайней мере, уже два часа ночи.

– Вот всё то, что я хотела от тебя услышать сейчас, в присутствии месье Дарки, моя дорогая Матильда. Ещё одно слово, и с этим будет покончено. Выходя от тебя, я не нашла фиакр. Один человек за мной последовал на улице... Вернее преследовал меня, и я не знаю, что случилось бы, если бы на моё счастье я не встретила по дороге месье Дарки, который взял меня под свою защиту, и был так любезен, что сопровождал меня до дверей моего дома. Месье Дарки не задавал мне никаких вопросов, но он мог и должен был удивиться тому, что встретил меня одну, пешком, ночью, в Париже. Я очень дорожу его уважением и попросила прийти сегодня в три часа к твоему дому. Я хотела, чтобы месье Дарки услышал из твоих уст естественное объяснение моей ночной прогулки. Это сделано. Осталось лишь поблагодарить месье Дарки за поддержку, оказанную им мне вчера, и извиниться за наказание, которому я его подвергла, заставив подняться на четвёртый этаж.

Немного завуалированный смысл этих разглагольствований был понятен Дарки с первого слова, и он хотел уйти, но перед этим решил добавить свой комментарий к речи девушки.

– Мадам, – начал он, – я вас умоляю поверить, что никогда даже в мыслях не предполагал...

Но больше он ничего не сказал, заметив, что мадам Крозон больше не обращала внимания на него. Она привстала и стала прислушиваться к шуму, доносившемуся с улицы.

– Фиакр остановилась только что у дверей, – прошептала она.

Берта подбежала к окну, открыла его и воскликнула:

– Это он! Он спускается из фиакра.

Затем она с силой закрыла окно и вновь обратилась к Дарки:

– Месье, – резко сказала она, – вы, как мне кажется, мой друг, и я не буду скрывать от вас правду. Месье Крозон отсутствует уже давно и ему присуще одно ужасное качество – он страшно ревнив, и кроме того мы узнали, что он получил анонимные письма, в которых мою сестру обвиняют в том, что она его обманывала с первого же дня его отправления в плавание. Вот почему мы так расстроены.

Дарки подумал, что цель этого признания – поторопить его уйти.

– Действительно, – ответил Гастон, – если он меня здесь сейчас застанет... Это бы подтвердило его несправедливые подозрения, и...

⁵ Жан Пьер Мари Жазе (1788—1871) – французский гравёр-репродукционист, Гравировал с картин других художников, Исполнял в основном жанровые сцены, сцены охоты, пейзажи.

– Нет, – прервала Дарки мадемуазель Меркантур, – не уходите... пожалуйста... месье Крозон человек очень жестокий. Если он проявит некоторую крайность в действиях, я одна не смогу защитить сестру, в то время как с вашей помощью...

– Располагайте мной, – ни секунды не раздумывая сказал Дарки.

– Нет... Нет, – прошептала сестра Берты, – не оставайтесь здесь, он вас убьёт...

– Не опасайтесь этого, мадам, я не позволю себя убить, и тем более, не позволю, чтобы вас обидели.

Отвечая таким образом, Дарки высоко поднял голову, и на лице его горел полный решимости взгляд. Капитан дальнего плавания мог найти, с кем ему здесь поговорить.

– Вы не поняли, – добавила Берта. – Я не хочу, чтобы мой зять вас здесь встретил. Ваше присутствие выведет его из себя. Всё, чего я желаю, так это чтобы вы оставались в пределах досягаемости, если я вас вдруг вызову на помощь. Идите сюда, – добавила она, открывая дверь. – Вот кабинет, откуда вы услышите всё, что будет происходить в этой комнате. Дверь запирается изнутри, и здесь есть второй выход прямо на лестницу. Закройтесь и возвращайтесь в салон только в том случае, если я воскликну: «Ко мне!» Если же, напротив, я скажу месье Крозону: «Теперь вы не сможете больше обвинять Матильду», уходите бесшумно через второй выход. Ступайте и постарайтесь выполнить всё в точности так, как я сказала.

Дарки охотно вошёл в тайник, который ему указала мадемуазель Меркантур. Он прекрасно чувствовал опасность, а кроме того, даже двусмысленность своего положения, но подчинился бы и более тягостным испытаниям, только бы угодить Берте, и при этом с радостью говорил себе, что посвящая его таким образом в семейные тайны, мадемуазель Меркантур предоставляла ему некие гарантии интимности, из которых он позже мог бы извлечь пользу.

Итак, Гастон уединился в этом тёмном кабинете и закрыл запор, чтобы укрыться от вторжения врага, предварительно убедившись, что путь к отступлению по коридору, позволявший беспрепятственно выйти из квартиры, не пересекая салон, был открыт.

После принятия этих мер предосторожности Дарки приготовился к тому, чтобы присутствовать при семейной сцене, которая, как ему казалось, должна быть скорее неприятной, чем ужасной, но он был готов её прекратить, если моряк начнёт вести объяснение со своей женой к трагической развязке.

Ожидая предстоящий спектакль Гастон не смог удержаться от воспоминаний и параллелей, которые на него навевали события последних дней. Вечером в будуаре у Джулии, следующим днём в кабинете у мадам Крозон – положение его было почти одним и тем же. Только, накануне, оно развязалось самоубийством и, на этот раз, судя по тревоге, в которую возвращение мужа повергло обеих сестёр, оно также вполне могло закончиться очередным мертвецом.

Впрочем, у Дарки не было времени на длительные раздумья. Едва он расположился в своём наблюдательном пункте, как услышал шум двери, неистово и громко захлопнутой, и суровый голос, который восклицал:

– Да, это я, мадемуазель. Вы не ожидали встретить меня так скоро?

– Матильда будет очень счастлива снова вас увидеть, мой дорогой Жак, – произнёс приятный голос Берты, – но вы не должны были удивлять её таким образом. Она очень больна, и волнение...

– Я не нуждаюсь ни в ваших объяснениях... ни в вашем присутствии, – грубо прервал её муж сестры. – Я хочу объясняться только с моей женой и не желаю, чтобы при этом присутствовали вы.

– Маленькая ремарка, Жак! После восемнадцати месяцев отсутствия вы бы лучше для начала обняли Матильду.

– Спросите лучше у неё, осмелится ли она подойти ко мне и обнять, – гремел капитан. – Спросите у неё, что она делала в то время, когда я плавал по морям, чтобы сколотить для неё состояние. Это бесполезно, не правда ли? Вы прекрасно знаете, что она сделала.

– Я не понимаю, о чём вы говорите. Вы, кажется, обвиняете мою бедную сестру в каком-то позорном поступке. Недостаёт ещё, чтобы вы и меня обвинили в том, что я являюсь её сообщницей.

– Я вас ни в чём не обвиняю. Но я не для того возвратился домой, чтобы беседовать с вами. Я вернулся, чтобы наказать...! И жду, что вы меня оставите наедине с моей женой. Идите-ка вы прочь отсюда!

– Дьявол! – подумал Дарки, – дело начинает принимать скверный оборот. Полагаю, что мне придётся вспороть живот этому морскому волку.

– Я не уйду, – мягко сказала мадемуазель Меркантур. – Вы раздражены, Жак. Матильда без труда оправдается, потрудитесь только расспрашивать её спокойно, и ясно указать на то, в чём вы её обвиняете. А сейчас вы явно не адвокат сам себе, и гнев может подтолкнуть вас к насилию. Я не имею права оставлять в такой момент мою сестру. И не утверждайте, что я не имею права встать между ней и вами. Во всём мире у меня есть только она, а у неё нет никого, кроме меня, потому что мы сироты, и некому нас защитить, кроме нас самих. Тот, кто её оскорбляет, оскорбляет и меня, тот, кто ей угрожает, угрожает мне, и я вам клянусь, Жак, что если вы хотите занести руку на Матильду, вначале вам придётся убить меня.

Эта речь, из которой моряк, внимательно слушавший Берту, не пропустил ни одного слова, не раз заставляла вздрагивать Дарки, едва сдерживавшегося от желания выйти на сцену, если бы только он только услышал условные слова: «Ко мне!»

Но красноречие, идущее от сердца, магически воздействует даже на бешеных ревнивцев, и капитан поменял тон.

– Хорошо! – сказал он, – оставайтесь. В конце концов, вы смелая девушка, и Богу бы понравилось, если бы ваша сестра походила на вас. Но я вам клянусь, что ваше присутствие не помещает мне совершить справедливость... В этом случае, теперь уже над вами обеими, – добавил Крозон.

Дарки услышал приглушенный стон. Это был единственный ответ несчастной Матильды на эту угрозу. Гастон этого не видел, но в его воображении женщина ему виделась сидящей в кресле, ослабевшая, удручённая услышанным, уничтоженная словами мужа.

– Говорите! Ну, говорите же! – кричал муж. – Попытайтесь, по крайней мере, доказать, что вы невиновны. Вы прекрасно знаете, в чём вас обвиняют. Я имел дурость написать вам об этом и сейчас жалею, что предупредил вас. Если бы я вернулся неожиданно и набрался бы терпения проследить за вами, то уверен, что смог бы легко уличить вас в неверности. Но я не обучен скрытности! Когда я люблю... или ненавижу, я не скрываю ни моей любви, ни моей ненависти... а я вас любил... Ах! Каким я был глупцом!

Дарки заметил, что голос моряка стал взволнованным, и он понадеялся, что буря закончится дождём слез. Но, почти тотчас же, капитан добавил этим своим ужасным хриплым, про-смолённым северным ветрами голосом:

– Отвечайте! Верно ли, что год тому назад вас видели в театральной ложе с мужчиной?

– Нет, это не правда, – прошептала обвиняемая мужем жена. – Вас обманули... или ошиблись.

– Вы не собираетесь, полагаю, утверждать, что вас приняли за вашу сестру, – иронично сказал месье Крозон. – Берта вас защищает, и я её за это не порицаю, но Берта живёт, как святая, и она смогла сопротивляться всем искушениям парижской жизни... Но, однако, хотя у неё нет обязательств, которые она должна исполнять... ведь она свободна... но она слишком горда, чтобы унизиться до того, чтобы завести себе любовника.

Дарки, слушавший эту речь с большим, чем когда-либо, вниманием, принял за благо-словлять этого взбешённого китобоя, дававшего мадемуазель Меркантур столь яркое свиде-тельство её целомудрия. В действительности же, в этот момент Гастон охотно бы даже и обнял этого грубого моряка.

– Всё то, что вы думаете обо мне, Жак, – сказала девушка, – вы вполне можете сказать мне прямо сейчас... я думаю... в присутствии Матильды, вашей жены.

На этот раз Дарки показалось, что голос Берты был немного менее уверенным.

– Ваша сестра отвечает за вас, а вы молчите, – ответил капитан, обращаясь к жене. – Сердце, которое не обмануть, не даёт вам возможности защищаться. Оно вам никогда не позволяло меня предавать. Ах! Вы хорошо выбрали момент! В то время, как вы публично демонстрировали всему Парижу ваш позор, моё судно было затёрто льдами в Беринговом проливе, и я рисковал жизнью каждый день. Погодите же! Слава Богу, наше государство посылает на каторгу женщин, которые виновны и меньше вашего.

– Вы оскорбляете самого себя, Жак, своими словами. То, что вы делаете, подло, – произнесла Берта твёрдым тоном.

– Я никого не оскорбляю. Осуждённых за измену нельзя оскорбить. Но я ещё не закончил. Необходимо, чтобы она меня выслушала до конца. Незнакомый друг, который меня предупредил об измене Матильды, указал мне точные детали. Я знаю, где ваша сестра встретила этого человека. Мне не назвали его имени, но довольно точно описали, так что я в состоянии его узнать и найти, и я его найду, клянусь вам. Я знаю, когда эта связь прекратилась, и почему она прекратилась. Любовник Матильды просто покинул Париж. Будете ли вы продолжать отрицать этот факт и теперь?

– Жак! Вы что, не видите что ли, что Матильда умирает!

– И пусть она умрёт! И это отнюдь не я её убиваю. Хотите, чтобы я вам сказал, отчего это происходит? Я должен был бы уберечь вас, Берта, от этого унижения, этого позора, мне следовало соблюсти вашу девичью стыдливость, но вы сами пожелали остаться. Тем хуже для вас! Именно Бог поразил это несчастное создание, которое вы так усердно поддерживаете, и у этой супружеской измены были большие последствия. Матильда родила ребёнка от этого человека, ребёнка, которого спрятала, и я пока не знаю, в каком доме... где она его скрывает. Она родила месяц тому назад, и я был вынужден срочно вернуться домой, чтобы благословить свою жену после родов. Теперь вы видите, что мне всё известно, и я просто обязан претворить в жизнь божье наказание, покарвав и гада, и гадюку.

– Он не убьёт мать, прежде чем найдёт ребёнка, – сказал про себя Дарки, ни на минуту не терявший головы в этой накалённой обстановке.

В любом случае, он держал ухо востро, продолжая прислушиваться к разговору и держа руку на запоре, который закрывал кабинет изнутри, чтобы иметь возможность в любое мгновение ворваться в салон, где разгорались такие нешуточные страсти.

– Вы безумны, Жак, – воскликнул Берта, – клянусь, вы сошли с ума!

– Вы бы лучше поклялись, что ваша сестра невиновна, – холодно сказал месье Крозон. – Осмелюсь, наконец-то, сделать это! Поклянитесь Богом! Я вам поверю, так как знаю, что вы никогда в жизни не лгали. Молчите? Вы верите в Бога, и не в состоянии принести лживой клятвы. Итак, Берта, если у меня и оставались хоть какие сомнения в виновности моей жены, то ваше молчание их похитило. Я больше не сомневаюсь. И если я ещё не совершил справедливый суд в отношении этой женщины, то только потому, что хочу, чтобы она мне сказала, где сейчас находится этот внебрачный ребёнок. И когда я их истреблю обоих, я сверну шею или разорву грудь её любовнику, после чего пушу себе пулю в лоб.

– Отлично! – подумал Дарки, – я всё правильно понял. Мореход отправится на поиски внебрачного ребёнка. И так как он сюда заявился, пребывая в крайней степени гнева, то не сможет долго оставаться в этом состоянии, потому что никому не хватит запала на такое, если только не подпитывать себя какими-нибудь экзотическими средствами, которыми он вполне мог обзавестись во время своих походов по заморским странам.

Обвиняемая, между тем, плакала, но не пыталась защищаться.

– И все эти упрёки льются потоком из вашего рта только на основании какого-то анонимного письма? – спросила капитана мадемуазель Меркантур, – на основании разоблачения, которое его автор не осмелился даже подписать... И вы смеете после этого осуждать вашу жену, даже не выслушав её.

– Друг, который мне написал, не подписался, но сообщил, что познакомится со мной по моему прибытию в Париж и поведает мне ещё кое-что, что мне до сих пор неизвестно. По его словам, я смогу найти с его помощью негодяя, который меня опозорил, и ребёнка, который в результате этого появился на свет.

– Вы не найдёте душевного покоя, Жак занимаясь подобными делами, – прервала его Берта, – Даже когда ваши недостойные подозрения будут развеяны, ваше сознание будет вам мстить за то, что вы были так безжалостны по отношению к Матильде. И когда вы поймёте, что её оклеветали, будет чересчур поздно, чтобы исправить зло, которое вы причинили, и моя сестра умрёт от боли. И пусть Бог вас простит за ваши дела!

– Бог...?! Но ведь он знает, как я обожал вашу сестру, эту бесчестную тварь... настоль, что я был готов отдать свою жизнь, лишь бы только она не печалилась и не думала ни о чём земном в этой жизни, и он также знает, какие муки ада я испытываю уже на протяжении трёх последних месяцев. Да, Бог меня будет судить, но он и её призовет на свой суд. И, поскольку вы обращаетесь ко мне от его имени, так, следовательно, возьмите и его в свидетели невинности вашей сестры. Поклянитесь именем бога, что сестра ваша неповинна в супружеской измене!

Воцарилось столь глубокое молчание, что Дарки даже услышал стук своего сердца.

– Да, – продолжил капитан, – поклянитесь, что она не виновна, и я вам клянусь, что упаду к ногам Матильды, чтобы вымолить её прощение.

И, поскольку Берта не отвечала, он добавил:

– Итак, я жду.

Гастон также ждал и спрашивал себя, что моряк собирается делать, если дело запахнет, как говорится, порохом?

Согнувшись кающейся дугой под карающей речью мужа, Матильда в это время глухо рыдала и глотала слезы.

Голос Берты возвысился над всеми, как будто она запела арию Виолетты в Травиате.

– Я клянусь, – медленно сказала она, – я клянусь вам, что моя сестра невинна в преступлениях, в которых вы её упрекаете.

– Невинна?! Она невинна?! – воскликнул моряк. – Да вы что? Вы не рискнули бы вашим вечным спасением, чтобы спасти её... ведь вам известно всё, что сделала Матильда в моё отсутствие, так как вы не провели ни одного дня, не повидавшись с ней.

– Ни одного, – согласилась Берта с видимым усилием над собой.

И кристально чистым и высоким тоном она добавила:

– Я надеюсь, что теперь вы перестанете её обвинять в нелепых поступках.

Дарки не забыл обусловленной между ними фразы и не нуждался в том, чтобы воочию видеть, что произошло в салоне, дабы понять, что клятва, только что так самоотверженно произнесённая мадемуазель Меркантур, спасла жизнь мадам Крозон.

Дарки обещал уйти, как только услышит условленный сигнал, и его нисколько не прельщала возможность оставаться в этом мрачном кабинете лишнее время. Гастон тихо открыл дверь, выйдя на лестницу и с такой же предосторожностью закрыл её вновь, после чего не спеша спустился вниз с четвёртого этажа.

На пороге дома Гастон увидел фиакр, просевший под грузом ящиков и посылок, которые там, без сомнения, оставил мореход под охраной горничной, чтобы сильнее удивить свою жену.

И Дарки негромко произнёс:

– Посещение Тихого океана не смягчило характера этого китобоя... и это вполне объяснимо, потому что иначе он не был бы успешным охотником на бедных животных. Неисто-

вый Роланд⁶ не был более неистов, чем капитан Крозон. Его дама сумела красиво ускользнуть от его гарпуна, и не будь в этой семье восхитительной Берты, Лолиф, возможно, завтра бы рассказывал всем разные пикантные подробности нового преступления. Но так ли невиновна эта Матильда? Над этим следует поразмышлять, хотя её сестра в этом поклялась. Этот человек – тупой ревнивец, который будет глупо верить в любую глупую клевету, но какой дьявол разыграл такую скверную партию с этой бедной женщиной? Вероятно, какой-нибудь отвергнутый приличным обществом кавалер. Это дело всегда обстоит таким образом. Однако, тем не менее, следует задуматься над тем, а что если она действительно обманывала своего супруга-грубияна в то самое время, когда он загарпунивал бедных кашалотов? В таком случае, получается, что мадемуазель Меркантур принесла ложную клятву. Хм! Для честной девушки, это было бы немного...

И, после нескольких секунд лёгкого самоанализа, Дарки пришел к следующему заключению:

– Убеждён, что если Берта так поступила, а я бы ей такого не желал... уверен, что Бог бы её простил, учитывая благие намерения девушки. Когда речь идёт о том, чтобы спасти жизнь человека, тем более, родной сестры, ложь становится почти похвальным действием. Тем не менее меня беспокоит продолжение этой истории. Если анонимный писатель продолжит свою гнусную работу и сумеет предоставить доказательства измены жены морскому волку, что случится с обеими женщинами? Крозон способен их убить. Это непременно случится, если только я не встану между ними. И чтобы подготовиться к такому продолжению этой дурацкой, прямо скажем, истории, мне непременно нужно увидеться с мадемуазель Меркантур и серьёзно с ней поговорить. Да, но где? Пойти к ней домой без её разрешения... ей бы это не понравилось. Я встречу Берту, разумеется, в субботу вечером у мадам Камбри... Но суббота, это так долго.

Размышляя таким образом, Гастон направлялся к улице Ружемон. Он знал, что его дядя обычно возвращался домой к четырём часам дня, и очень хотел его увидеть в этот день. Когда нас переполняют эмоции, мы, обычно, испытываем потребность излить душу другу... И месье Роже Дарки, судья-следователь в Суде Сены, готовился принять по-дружески своего племянника Гастона, сердце которого было переполнено эмоциями. Воспоминания о Берте Меркантур целиком заполняли его душу, в которой не осталось больше места для мимолётных фантазий, и Гастон понимал, что чувство, которое он вначале принял за фантазию, было началом прекрасной большой любви.

Дядя Роже жил в принадлежащем ему особняке, ведя холостяцкую жизнь, походившую на аналогичную холостяцкую жизнь его племянника, но только, если можно так сказать, со знаком плюс... со светлой, правильной стороны этого бытия. Особняк его был столь же неплох, как и у его племянника, и даже в чём-то лучше, ведь он любил и ценил, равно как и Гастон, общество женщин, но только посещал он общество приличных дам, и хотя жил на широкую ногу, умудрялся не проедать в тоже время, как Гастон, свой основной капитал, и даже приумножать его.

Роже Дарки пошёл служить в магистратуру, следуя традициям своей семьи, и был, разумеется, одним из наиболее умных и успешных судей парижской магистратуры. Никто не мог сравниться с ним в искусстве распутывать самые запутанные дела. У него был ясный и трезвый ум, прекрасная память, чудесная проницательность, внезапная интуиция, рождавшая по настоящему гениальные мысли. Казалось, что он был создан богом специально для того, чтобы стать судьёй и следователем.

Месье Роже Дарки страстно любил деликатные поручения, которые всегда блистательно выполнял, проводя половину жизни в своём кабинете, но при этом он был судьёй только в рабо-

⁶ «Неистовый Роланд» -рыцарская поэма итальянского писателя Людовико Ариосто. Главная сюжетная линия поэмы-безответная любовь христианского рыцаря Роланда к китайской царевне Анжелике, приводящая его к безумию.

чье время. Выйдя из служебного кабинета Роже Дарки снова становился светским человеком, весёлым компаньоном, радостным гостем, основательно знающим любимый им Париж, повидавшим достаточно подводных камней в жизни, чтобы оставаться снисходительным по отношению к потерпевшим в ней трагическое кораблекрушение.

И, при всех этих заслугах, в нём ещё по прежнему присутствовало этакое оригинальное зёрнышко, которое придавало его лицу и языку некий особенный вкус, ценимый многими уважаемыми в высшем свете Парижа лицами.

Гастон нашел дядю облачённым в легкомысленный короткий пиджак и просторные брюки... и погруженным буквально до ушей во вместительное кресло и курящего толстую кубинскую сигару.

Роже Дарки было сорок пять лет, но на вид ему не давали и тридцати пяти. Зубы в великолепном состоянии, ни одного седого волоска, живые глаза и менторский нос. Высокий, тонкий и сухой, с командным голосом, смягчённым хорошей улыбкой... и с коротко стриженной головой, как и подобает судье. Те, кто его не знал, принимали со стороны за морского офицера.

– Вот и ты, озорник, – сказал он, заметив Гастона. – Не хочешь ли ты гавану? Возьми в коробке. Мне доставили их сегодня из Лондона, и я нахожу, что они превосходны.

– Спасибо, мой любимый дядюшка, но у меня есть кое-что получше, – ответил племянник, вытаскивая из своего кармана изящный футляр, сделанный кожи модного коньячного цвета, родом из России с аккуратной уложенными в него коричневыми цилиндриками кохибы.

– Ты излишне высокомерен, мой дорогой. Кажется, ты вообразил, что только у тебя есть право первого выбора, потому что ты напрямую получаешь их из Гаваны, в то время как я... Ладно! Кажется, я уже отвлёкся от темы, ведь сейчас мне не приходится вести тяжбу в суде, а передо мной не господа адвокаты, а мой любимый племянник, месье Гастон Дарки! У меня есть только один вопрос к тебе. Крепко держись на ногах перед встречным залпом огня и приготовься к тому, чтобы получить такой нагоняй, какой тебе ещё не приходилось получать... Ах! Кажется, ты прекрасно знаешь, за что?! Ни за что не догадаешься... а я хочу тебе отвесить комплимент!

– Если вы имеете в виду мадам д'Орсо и хотите со мной поговорить о ней, то я вам скажу, что...

– Да, поговорим именно о ней, о твоей прекрасной мадам д'Орсо и о твоём шикарном времяпрепровождении у этой дорогой во всех смыслах малышки, как бы ты сказал своим высоким стилем. Стил! Ещё одно дурацкое слово. Тебе уже известно, что особняк д'Орсо некоторые персоны избрали местом, где очень удобно повеситься.

– Я знаю это, мой дорогой Роже, но...

– И кто это там вешается...? Я бы понял и не имел никаких претензий, если бы этот акт любовного экстаза совершил какой-нибудь приличный человек, парижанин с приличной репутацией... или добрый, но запутавшийся мещанин из провинции... из Нормандии, например... ладно, куда ни шло... Но граф, который на самом деле является и не графом вовсе, а обыкновенным мошенником, этаким разновидностью итальянского Казановы и Калиостро польского разлива и... твоим соперником, без сомнения, на ложе одной парижской дамы странного сословия.

– Нет, не совсем так, я лишь в некотором роде сменил его на этом посту.

– Так же, как Людовик XV сменил Фарамонда, первого французского короля, правившего аж в восьмом веке. Неважно, царили вы вместе или последовательно. Важно, что уж слишком часто мелькает твоё имя, и заодно, кстати говоря, и моё, так как я имею несчастье быть твоим дядей по отцовской линии и носить одну и ту же фамилию, в деле, где фигурируют распутница и иностранный интриган.

– Не беспокойтесь, ко мне не будет вопросов, так как...

– На самом деле, это уже слишком! Сблизиться с распутной женщиной лишь только потому, что она популярна среди мужчин, в то время как можно было попробовать найти в высшем свете настоящую жемчужину... Послушай меня! Ты походишь на тех провинциалов, что предпочитают элегантный и модный отель, где их травят всякой дрянью, честной гостинице с превосходной кухней. Решительно, месье мой племянник, ты так похож на этих дураков.

– Но не столь глупый, как вы тут описываете, так как я порвал с Джулией.

– Полноте! Действительно...?

– Полностью, радикально и окончательно. Если этих трёх наречий вам не достаточно...

– Но если... но если только.... Я думаю, что у тебя хватит здравого смысла, чтобы не пытаться посмеиваться надо мной и не принимать меня за комедийного дядюшку. Тогда, это заявление можно принять за...

– Это совершенно искренне, уверяю вас.

– Похвально, признаю свою ошибку, так как девица эта действительно красива... даже очень красива. Могли бы мы узнать, какое счастливое влияние окажет это изменение на вашу судьбу? Не вступаем ли мы, случайно, на путь, ведущий к богоматери, или вновь становимся на дорогу, ведущую к Елисейским полям....

– Мой Бог! У меня нет ничего общего со святым Полем. Это не наитие сверху меня озаарило, но я много размышлял о своей жизни в течении последнего месяца и сказал себе, что двадцать девять лет – это лучшее время, чтобы покончить с этим наваждением. Джулия... или Кора, или Олимпия, или Клодин, всё это хождение в одно и тоже озеро... всё та же вода, ничего не меняется. Хотя, признаюсь, что вода этого озера меня по прежнему пьянит, но эта игра перестаёт развлекать, становится слишком дорогостоящим развлечением. Чтобы отвлечься от этого наваждения я не вижу никакого другого решения проблемы, кроме как направить свои помыслы на магистратуру, и я пришел вас просить...

– Ты называешь магистратуру развлечением! С какой непочтительностью ты говоришь о божественном промысле, плут! Если ты вступаешь в должность с такими идеями, ты станешь прекрасным заместителем генерального прокурора, но отнюдь не судьёй.

– Но, как мне кажется, дорогой дядя, пятнадцать лет тому назад, когда вы были назначены заместителем прокурора в Ножен ле Ротру, если я не заблуждаюсь, вы тоже не вели жизни отшельника.

– Я и ты... Это не одно и тоже. Во мне уже горел в то время священный огонь справедливости. Ты возможно, не станешь плохим судьёй. Твой дедушка был прекрасным судьёй, твой прадед им был. Судить – это в крови Дарки. Но, если ты видишь в магистратуре только одну карьеру, такую же, какую можно сделать и в других местах, и если ты хочешь стать судьёй только ради продвижения по службе, я тебе рекомендую остаться тем, кто ты есть на сегодняшний день.... существом бесполезным, но безобидным.

– Спасибо, мой дядя, за комплимент – сказал Гастон, смеясь.

– И ещё, – повторил месье Дарки, – когда я произношу слово... безобидный, то я чересчур быстро забегаю вперёд. Я тебя считаю вполне способным действовать, так сказать, плохо, но не со злобой, а лишь поддавшись своим страстям. Теперь же, возвращаясь к нашим баранам, то есть к службе на судебной ниве, я могу тебе сказать, что здесь мной по прежнему дорожат, черт возьми, и потому генеральный прокурор мне вчера сказал, что охотно взял бы тебя на службу! И через год ты сможешь быть командирован, как заместитель судьи, в суд первой инстанции. Это хорошая новость! Но что потом? Неужели ты думаешь, что в твои мозги вселится разум только потому, что твоя голова будет увенчана париком? Имеешь ли ты представление о том, сколько требуется мудрости и беспристрастности, чтобы стать приличным судьёй? Уже пятнадцать лет, как я стараюсь приобрести эти качества... и не могу похвалиться, что обладаю ими. И я никогда не начинаю судебного следствия, не сомневаясь сам в себе. Ты же... ты не сомневаешься ни в чем. Я держу пари, что если бы ты уже был судьёй,

то не постеснялся бы расследовать дело, в котором оказалась замешана мадам д'Орсо, бывшая ещё вчера твоей любовницей.

– Прошу прощения! Но это не так... я бы поколебался, конечно, принимая решение и... отказался. И это как раз тот случай, который больше, я уверен, никогда не повторится в моей жизни.

– Ты, возможно, также думаешь, что эта д'Орсо оказалась на самом деле не настолько приятна, как ты ожидал? И всё дело только в этом! Ладно, мой дорогой, приятная неожиданность для тебя заключается в том, что она не была задержана в связи с этим подвешиванием поляка к шпингалету её библиотечного окна. Послушай! Если ты хочешь быть более осведомлённым на счёт этой дамы, почитай вот эти полицейские отчёты, которые я получил с час тому назад.

Отправляясь к своему дяде, Гастон спрашивал себя, не стоит ли ему рассказать, ничего не опуская и не утаивая, историю его последнего визита к мадам д'Орсо. Джулия, в своём прощальном письме, обещала ему молчать и тем самым вовлекала его в необходимость поступать точно так же, но он знал, что дядя Роже был неспособен злоупотребить его признанием, и не будет рассержен тем, что племянник уведомит его об этом случае.

Когда судья предложил ему прочитать полицейский отчёт, в котором упоминалась мадам д'Орсо, Гастон подумал, что прежде, чем продолжить разговор, нужно было бы для начала ознакомиться с документом, интересовавшим его в этот момент гораздо больше, чем эвентуальная должность судьи.

Поэтому он взял в руки административный документ, протянутый ему месье Роже Дарки, и стал читать вслух:

«Жюли-Жанна-Жозефина Бертье, называемая также Джулией д'Орсо, тридцати лет от роду. Родилась в Париже в 1848. Внебрачный ребёнок, отцом которого был признан офицер запаса, поместивший её на воспитание в пансион Сен-Манде. Свою мать она никогда не знала и не видела. Отца потеряла через год после начала обучения в пансионе, и унаследовала от него около двадцати тысяч франков. После окончания пансиона стала секретарём в мэрии Сен-Манде, используя своё место работы для знакомства с богатыми иностранцами, которые останавливались в этих местах во время своих путешествий. Очаровала и соблазнила в Экс-ан-Савойя испанца, который увёз её в Мадрид, где и умер некоторое время спустя, завещав ей значительную сумму.

Возвратившись тотчас же в Париж, Жюли Бертье использовала независимость, которую ей предоставили полученные по завещанию средства, чтобы броситься в мир женщин лёгкого поведения и там создать себе исключительное положение. Красота, воспитание и ум быстро привели её к успеху. У неё было много любовных связей с известными людьми. В настоящее время она является постоянной любовницей молодого человека, принадлежащего к одной превосходной парижской семье.»

Гастон читал всё подряд, не пропуская ни слова, сверху вниз. В этом месте его дядя принялся смеяться.

– Это именно о тебе идёт речь, мой дорогой, – сказал он, – и если полицейский, составивший этот доклад, не назвал тебя по имени, то это только потому, что он знает, что ты – мой племянник. Правда, эти данные отмечены в Префектуре. Согласись, неплохая рекомендация при поступлении на должность!

– Но, – воскликнул Гастон, – он плохо информирован, этот ваш полицейский, так как должен был бы доложить в своём отчёте, была ли эта персона его любовницей на день совершения суицида...

– Ты мне морочишь голову этим своим последним днём. Полиция не держит ежечасного регистра изменений статуса мужчин сердца этих дам. И, в конце концов, прошло не так уж много времени с тех пор, как ты выпутался из когтей д'Орсо. Я тебя накануне заметил с нею,

в ложе бенуара театра «Варьете», на премьере «Большого Казимира⁷» где, между прочим, я неплохо развлёкся. Когда, следовательно, ты её бросил?

– Вчера.

– Дьявол! В это же самое время. Ладно, заканчивай это интересное чтиво.

Гастон, смущённый сказанным, продолжил:

«Среди других знакомств следует отметить, что три года тому назад Жюли Бертье встречалась с так называемым графом Голиминым. Настоящая фамилия этого персонажа, чему мы верим, была Лемберг, родился он в Галиции, и много путешествовал по Европе и Америке. Жил на широкую ногу в Париже, без того, чтобы кто-то знал о происхождении его состояния. Летом этого года он был обвинён в России в изготовлении фальшивых банковских билетов, а во Франции он подозревался в том, что практикует шантаж для извлечения материальной прибыли. Эти подозрения были тем более вероятны, что он был любовником сразу нескольких женщин с очень высоким положением в свете. Однако, по этому поводу не было никогда ни одной административной жалобы. Голимин был подвергнут в течение одного года наблюдению, которое обнаружило другие подозрительные факты в отношении его любовных связей при посещении разных парижских салонов и клубов, а также встречи с разными подозрительными персонами. Это наблюдение прекратилось шесть месяцев тому назад в связи с тем, что граф стал показываться в обществе гораздо реже, попав, по-видимому, в стеснённое материальное положение. Вопросы в его отношении возникли вновь, когда на парижских улицах участились ночные нападения на персон с большими денежными суммами при себе. Анонимное письмо, направленное месье префекту, сигнализировало о Голимине, как о тайном главе банды, составленной из людей, по-видимому, высокого положения, и информирующих злоумышленников о богатых людях, которые ходят ночью с большими ценностями в карманах. Впрочем, никаких доказательств и фактов в подтверждение этого разоблачения приложено не было, и письму этому не был дан ход.»

– Атаман разбойников! – Сказал месье Роже Дарки. – Я не удивляюсь больше тому, что женщины так страстно любили его. Как романтично... Но я не очень верю в эту организацию ночных воров. У агентов, в наше время, большое воображение. Чтение судебных романов их испортило.

Гастон мог бы предоставить своему дяде свежайшую справку о способах действий этих господ, но он уже твёрдо решил никому не говорить об этом неприятном случае и, более того, полицейский отчёт заинтересовал его достаточно сильно, настолько, что ему не терпелось дочитать его до конца.

Гастон вновь начал читать:

«Из всей собранной информации о Голимине и Жюли Бертье вытекало предположение о сговоре между ними, предположение, которое должно было пробудить внимание Префектуры, как только стало известно о самоубийстве. Комиссар должен был проверить прежде всего, не была ли смерть графа результатом преступления. Свидетельства и медицинские констатации не оставили никакого сомнения в этом отношении. Голимин покончил жизнь самоубийством вследствие жестокой перепалки со своей бывшей любовницей. Расположение квартиры и отсутствие слуг объясняют тот факт, как он смог повеситься без того, чтобы Жюли Бертье об этом знала. Она послала, впрочем, сообщение в комиссариат квартала, как только узнала об этом событии от её горничной, которая первой обнаружила труп.

При Голимине нашли сумму в тридцать тысяч франков в банковских билетах, четыре-ста семьдесят золотых франков, часы и драгоценности довольно большой стоимости. Следовательно, абсолютно точно, что никакой кражи или ограбления Голимина совершено не было. Голимин не имел, впрочем, ни в своём портмоне или в своих карманах, ни писем, ни иных

⁷ «Большой Казимир» (Le grand Casimir), оперетта Александра Шарля Лекока.

документов. Обыск, произведённый в то же утро в меблированной квартире, которую он занимал на улице Нев де Матурин, также не обнаружил в ней никаких письменных документов. У нас есть, между тем, причины полагать, что Голимин был владельцем компрометирующей честь некоторых людей корреспонденции. И возможно, что предметом его последнего визита к Жюли Бертье была эта корреспонденция. Отношения, которые существовали между ними прежде, позволяют сделать такое предположение, но, чтобы его проверить, было необходимо провести обыск по адресу места жительства Жюли Бертье, а комиссар не смог получить разрешение на его проведение. Жюли Бертье, которую называют Джулией д'Орсо, связана с людьми высшего света, и применение этой меры могло бы доставить некоторые неудобства определённым лицам.»

– Как ты думаешь, если бы обыск в доме твоей пассии состоялся, были бы найдены твои любовные записки, мой мальчик? – смеясь спросил месье Дарки.

– О! Они нашли бы их не в таком количестве, как ты себе вообразил, да и те не очень нежного стиля... например, такого: «Этим вечером, в полвосьмого, встретимся в английском кафе», или «я не смогу приехать на премьеру этим вечером.»

– Да, я знаю, что наша прекрасная золотая молодёжь, частью которой ты являешься, принимает равнодушный вид при виде женщин... что ей не мешает, впрочем, разорваться на них и с ними. Но я полагаю, что тебе было бы очень неприятно быть замешанным любым образом в эту гадкую историю, теперь, когда ты порвал приятную связь, которая тебя «связывала», как сказал бы месье Прюдом. Успокойся, не общем мы дом твоей экс-возлюбленной. В первый момент люди из полиции увидели в этом самоубийстве что-то необычное и поговаривали уже о том, чтобы мне поручить его расследование. Но при близком рассмотрении стало ясно, что не было абсолютно ничего подозрительного в этом деле, и всё ограничилось протоколом о самоубийстве. Я порадовался за тебя... и за себя тоже. Мемуары о твоих страстях с д'Орсо поставили бы меня в неловкое положение. А теперь, давай поговорим о чём-нибудь другом, более приятном.

– Охотно, – сказал Гастон, но....

– Я тебя не отпускаю. Ты поужинаешь со мной. У меня сегодня подают заднюю часть лиможского козлёнка, а за трапезой ты мне расскажешь о последних светских сплетнях.

И когда племянник сделал вид, что снова хочет извиниться, дядя воскликнул:

– И не вздумай мне рассказывать, что ты обещал своим знакомым пижонам присоединиться к ним в ресторане. И ты не ужинаешь сегодня с твоей принцессой, так как вы, по твоим словам, безоговорочно расстались. Следовательно, ты ужинаешь со мной. А, тем временем, приготовься выслушать серьёзную речь.

– Да нет, я не собирался никуда уходить и пребываю в превосходном настроении для трапезы.

– Тогда, начну без преамбул. Ты хочешь стать судьёй... это похвально, но этого явно не достаточно для достижения этой цели. Необходимо, чтобы ты женился.

– Никаких проблем! Я не испытываю к этому отвращения.

– Хорошо! Даже восхитительно. И я тебя поздравляю с тем, что ты стал столь сговорчив на эту тему. Неделию тому назад, когда я говорил с тобой о браке, ты вставал на дыбы, как непокорная лошадь. Правда, в то время ты был под опекой. Твоя Джулия прожужжала тебе все уши своими интриганскими рассказами невесты о чём, ты был слеп, но я терпеливо ждал, потому что я не просто твой дядя, а пирожное, десерт. Но сейчас я больше не шучу. Ты собираешься перешагнуть порог тридцатилетия, мой дорогой. Это некий момент истины. Чуть позже ты стал бы находить тысячу причин, чтобы оставаться мальчиком, а не мужчиной, и это как раз то, чего я тебе не позволю. Я хочу наследников. У меня есть ты, но этого мне не достаточно. Мне нужны маленькие Дарки, которые бы смогли возглавить суды двадцатого века. Твой прадед председательствовал в суде, руководил им до Революции. Я... я буду руководить им сейчас,

но я уже слишком стар чтобы, чтобы достичь вершины. Мне бы хотелось, чтобы эта цепочка поколений не прерывалась никогда. И только это меня сейчас заботит.

– Почему бы вам самим не заняться этим делом, мой дядя?

– Ну-ну! Не надо было бросать мне вызов. Если ты останешься таким же упрямым, как сейчас, мне действительно придётся жениться, у меня непременно будет пол-дюжины мальчишек... И тогда, мой прекрасный друг, прощай твоё наследство!

– Ну и ладно! – Произнёс Гастон тоном незаинтересованного племянника.

– Не пренебрегай так легкомысленно этим. Оно будет достаточно приличным, это моё наследство, а ты, должно быть, уже получил приличные дыры в своём бюджете, которые нужно затыкать. Давай, скажи мне искренне, сколько ты проел капитала с тех пор, как получил наследство твоего отца?

– Двести тысяч.... Возможно, немного больше.

– Или намного больше. Д'Орсо очень дороги. Но я допускаю правдивость твоей цифры в двести тысяч. У тебя, следовательно, остаётся едва лишь тридцать тысяч ливров ренты. Следующая остановка поезда, в котором ты едешь, это приют для бедняков через пять или шесть лет... или Австралия, Калифорния и другие вынужденные места для экспатриации неудачников из Франции. Моим доказательством служит суровая логика жизни. В настоящее время ты ещё обладаешь брачной ценностью. Ты молод, не глуп, неплохо сложен, тебя считают богатым и знают, что ты позже унаследуешь всё моё состояние, но я тебя предупреждаю, что ты не будешь стоять ничего уже через пять лет, так как у тебя не будет больше ни одного су, а я, утомлённый ожиданием, женюсь. Так что тебе придётся искать себе в пару богатых и... горбатых девушек. Приятная перспектива!

– Но, мой дядя, я же вам сказал, что я решил жениться... в принципе!

– Очень хорошо! Тогда позволь мне заняться твоими делами. У меня есть на примете одна достойная кандидатура для тебя... мадам Камбри, красавица с шестидесятью тысячами ливров ренты, и я знаю и другие её качества, так же достойные похвалы. Ты мне собираешься возразить, что ей уже двадцать четыре года, и она вдова, но на это я тебе отвечу, что пять лет разницы в твоём возрасте вполне достаточно для создания хорошей семьи, и что мадам Камбри была замужем всего шесть месяцев за одним не очень любезным человеком, которого тебе не составит труда помочь ей забыть, потому что я почти уверен, что она найдет тебя мужчиной вполне в её вкусе. Посмотрим, сможешь ли ты сказать что-нибудь против этой кандидатуры? Не посмеешь же ты, полагаю, оспаривать ни её красоту, ни её ум, ни её добродетельность. Не будешь же ты также утверждать, что она тебе не нравится, так как, насколько мне известно, ты не пропускаешь ни одного из её субботних приёмов.

– Я ценю все её качества, которые вы только что перечислили, мой дядя, только... именно о ней я и не думаю, как о будущей невесте... и нахожу, что именно... вас она вполне бы удовлетворила.

– Нет, несчастный дурак... мне на двадцать лет больше, чем мадам Камбри. И потом, не обо мне сейчас идёт речь. Если я правильно понял твой путанный ответ, ты на самом деле и не думал о браке с мадам Камбри, но имеешь виды на другую женщину. Итак, это только полбеда. Я абсолютно не дорожу тем, чтобы любезная вдова стала моей племянницей, лишь бы только избранная тобой невеста не была ни сомнительной честности, ни из порочной семьи, и я даже не спрашиваю тебя об этом. Уверен, что ты это прекрасно понимаешь и без меня. А теперь, назови мне имя твоей избранницы, проинформируй меня кратко о состоянии её счета и представь меня поскорее этому чуду природы. Я подпишусь двумя руками под контрактом, и готов добавить ещё одну строчку в своё завещание.

– Но, мой дядя, я здесь не за этим. Я действительно встретил девушку, которая мне очень нравится и, возможно, я решусь с нею сочетаться браком, если она этого захочет. Только,

прежде чем принять окончательное решение, я хотел бы побольше о ней узнать, изучить её характер и...

– О! Я вижу, куда ты клонишь. Ты пытаешься получить отсрочку приговора, как говорят во Дворце правосудия. И ты воображаешь, что отвечая мне постоянно глупыми фразами, вроде тех, что сейчас в моде: «я изучаю её характер», и тому подобную пустопорожнюю ересь в тот самый момент, когда я тебя тороплю покончить с этим твоим дурацким прожиганием жизни и состояния, я удовлетворюсь столь бесславным поражением? Ты воображаешь, что я буду ожидать, когда дождусь от тебя внучатых племянников? Ты ошибаешься, мой дорогой, и чтобы лишить тебя этой иллюзии, я тебе ставлю ультиматум.

– Вот это напрасно. Я вам обещаю объявить имя моей избранницы в течение ближайших дней...

– Итак, послушай меня, болтун, вместо того, чтобы прерывать. Я предоставляю тебе отсрочку на три месяца. Ты слышишь, Гастон, три месяца! Если ты не женишься в течении этого срока, женюсь я. Я сказал всё, что хотел. А теперь, иди во двор, посмотри на одну лошадь, которую мне предлагают для моей кареты-купе. Вот в этом ты разбираешься лучше меня, так что выскажи своё просвещённое мнение.

ГЛАВА III

В то время, как Гастон Дарки так приятно проводил своё время, мадам д'Орсо не теряла зря своего.

Ей выдалась, можете в это поверить, очень беспокойная ночь. Фиксирование полицией всех улик произошедшего в её доме суицида и опрос, плавно переросший в усиленный допрос, продлились допоздна, так что комиссар и агенты полиции покинули её особняк только в четыре часа утра, а тело несчастного Голимина вынули из петли и увезли лишь в пять часов.

И хотя Джулия терзалась от желания снова увидеть своего бывшего любовника, не мёртвого, а того, что был жив, она ещё не оправилась от трагических событий, произошедших накануне, и это отвлекало её от воспоминаний о Гастоне, когда она встала с кровати около полудня, в тот самый момент, когда Дарки получал от неё письмо, написанное ею ночью, прежде, чем лечь в постель.

Она позавтракала в чайной комнате, заставив Мариетту рассказывать ей о слухах, которые распространялись по кварталу, и посоветовала ей никому не говорить о визите месье Дарки предыдущим днём, а также запретила пускать к ней Гастона, если тот вдруг явится к ней.

Джулия была убеждена, что он обязательно придёт поблагодарить её за проявленную скромность, и она ещё не отчаялась найти дорогу, которая приведёт к примирению между ними. Джулия считала, что основательно изучила Дарки, и она действительно знала, что делала, написав Гастону, что смирилась с разрывом. Опыт ей подсказывал, что наиболее верное средство вернуть любовника состоит в том, чтобы показать ему своё полное безразличие и независимость. Джулия хладнокровно проанализировала произошедшее с Гастоном и посчитала, что применение этого метода даст быстрый и превосходный результат.

Выбрав в своём гардеробе утренний туалет, соответствующий обстоятельствам, в темных строгих тонах, Джулия ожидала Дарки в том же самом будуаре, где накануне разыгралась сцена разрыва отношений между ними.

У мадам д'Орсо были ещё и другие проекты, но их выполнение зависело от результатов встречи с месье Дарки, которая, как она надеялась, непременно состоится в этот день.

Письма трёх женщин, которые имели неосторожность полюбить Голимина, были спрятаны в тайном выдвижном ящичке небольшого шкафчика из дерева розы, но она не намеревалась их надолго там оставлять. Правда, ничто её не торопило. Такое богатство не ржавеет.

К трём часам дня в будуар зашла Мариетта со сдержанно-значимым лицом, которое она всегда принимала, если речь шла о том, чтобы спросить у мадам, не хочет ли она принять посетителя, и Джулия в течении секунды ещё надеялась, что этим посетителем окажется Дарки, тот самый Дарки, который в этот самый момент поднимался по лестнице мадам Крозон в обществе Берты Меркантур.

– Меня нет ни для кого, – воскликнула мадам д'Орсо, видя, что её горничная несёт ей визитную карточку.

– Этот господин настоял на том, чтобы я его впустила и показала вам его карточку, – ответила субретка. – Он утверждает, что у него есть кое-что, представляющее значительный интерес для вас.

Джулия взглянула на карточку и прочитала:

«Дон Хосе Ласко, генерал на службе Республики Перу.»

– Я его не знаю, – произнесла она, – и никогда не видела.

Затем, подумав, спросила:

– Как выглядит этот человек?

– О! Очень комильфо. Пятидесяти-шестидесяти лет, богато и изысканно одетый. Немного чересчур драгоценностей. Но это объяснимо, принимая во внимание, что он иностранец. Он мне дал луидор взамен на обещание, что я непременно вручу вам его карточку, мадам.

– Это странно, но мне, кажется, что я уже произносила когда-то это имя. О чём мне может поведать этот перуанский генерал? Или это лишь повод, чтобы быть представленным мне?

И, говоря это, мадам д'Орсо задумчиво посмотрела на Мариетту. Проницательная субретка тотчас же ответила:

– Не думаю. Он постоянно жестикулирует и не стоит на месте, видно, нетерпение сжигает его. И потом, если он пришел с целью поухаживать за мадам, он действовал бы иначе. Мадам знает, как и я, этих иностранцев. Это не их способ. Они более позитивны внешне, и, одновременно, вкрадчивы. Я предположила бы, скорее, что у этого господина есть некое сообщение для мадам по поводу... последнего события.

– Да, должно быть дело в этом. И, возможно, я пожалею впоследствии, если не встречу с ним, так что введи его в салон, я приму его там. Если месье Дарки придёт, попроси его подождать в галерее... Нет, нет, не туда, – вдруг передумала Джулия, – ты его отведёшь в мою спальню.

Она внезапно вспомнила, что несчастный Голимин отдал Богу душу в этой галерее и это, соответственно, не самое лучшее место для того, чтобы разыграть с его преемником комедию примирения.

Мариетта бесшумно исчезла, после чего, заставив посетителя протомиться пять минут в ожидании, мадам д'Орсо прошла в салон, ответив лёгким поклоном на приветствие генерала.

– Чему я обязана честью видеть вас, месье? – Холодно спросила Джулия.

Физиономия месье Ласко ей не понравилась с самого начала, и она спрашивала себя, не был ли этот южно-американский воин замаскированным агентом полиции, хотя генерал имел привлекательную внешность, но, между тем, у него были тревожные глаза.

– Мадам, – начал он довольно непринуждённо, – я не являюсь ни кредитором, ни нищим, ни вором и, чтобы я смог вам спокойно объяснить цель моего визита, я надеюсь, вы присядете и позволите мне сделать то же самое.

Месье Ласко, начав разговор таким тоном, думал, что он испугает Джулию, и у него, наверное, были основания считать так, но, посмотрев на хозяйку дома, он заметил, что сбился с пути и просчитался.

– Месье, – ответила ему дама, – у меня нет кредиторов, я заставляю подавать нищим милостыню моим ливрейным лакеям, и я не опасаюсь воров. Вы могли бы избавить меня от этой неуместной преамбулы, так что я прошу вас побыстрее изложить цель вашего визита, поскольку у меня очень мало времени для вас.

Перуанец, увидев, что имеет дело с сильным соперником, поменял тон и выражение лица.

– У меня не было намерения вас оскорбить, мадам, – ответил он, удобно расположившись в кресле. – Вы этому, разумеется, поверите, когда узнаете, что я был товарищем по оружию и другом бедного Гжегоша, который давеча так трагически умер.

– Я ничего не понимаю, о чём это вы? – сказала мадам д'Орсо, которая на самом деле поняла всё очень хорошо.

– Этого бедного Гжегоша Голимина, скончавшегося столь трагически вчера в вашем доме, – продолжил патетическим тоном Ласко.

– Разве имеет какое-нибудь значение, были вы его другом или нет?

– Это имеет большое значение. Я знал обо всех тайнах Голимина.

– Его тайны не были моими.

– Не все, действительно, но были некоторые, уверен, которые он от вас не скрыл.

– Прошу прощения, месье, вы не затем пришли, я предполагаю, чтобы беседовать со мной о моих отношениях с графом Голиминым. Не собираюсь от вас скрывать, что он пребывал

прежде со мной в самых что ни на есть в интимных отношениях, которые я прекратила уже достаточно давно, так что скажите мне без всяких обиняков куда вы метите, зачем вы явились ко мне на самом деле?

– Чтобы спросить у вас, не доверил ли вам Гжегош письма, написанные ему другими людьми, и которых эти письма могут серьёзно скомпрометировать.

– И именно эти люди вам поручили миссию, которую вы выполняете столь усердно?

– Возможно. Но, что бы там ни было, я был бы вам очень признателен, если бы вы возвратили мне эту корреспонденцию, и поверьте, это в интересах памяти графа.

– Это всё, что вы должны были мне сказать?

– Нет, я всё-таки вынужден уточнить этот факт. Голимин всегда носил эти письма и некоторые другие важные документы с собой, я его знаю, чтобы в крайнем случае можно было их немедленно уничтожить. Я хотел бы знать, не нашли ли вы их после его смерти, и в случае, если они находятся в вашем владении, я хотел бы предложить вам заплатить за них цену, которую вы изволите попросить. Я могу вам объяснить, о чём идёт речь. Я оставил мою страну, потому что заговор, главой которого я был, с целью свержения диктаторского режима, не имел успеха. Голимин был в это время со мной в Перу и входил в число заговорщиков. Мы собирались вместе вернуться в Лиму, чтобы организовать там революцию, и эти документы содержали план нашего предприятия, списки заговорщиков, и если они попадут в руки французской полиции, то...

– В таком случае, это всё, о чём вам хотелось побеседовать со мной, я полагаю?

– Мне остаётся добавить, что я богат и что для меня ничего не стоит...

– Достаточно, месье, – произнесла Джулия. – Я вам позволила говорить, потому что хотела узнать, как далеко заведёт вас ваша наглость. Как вы смели предположить, что граф Голимин хранил у меня письма своих любовниц? И как вы осмеливаетесь спрашивать у меня, взяла ли я документы, которые были при нём? Вы, следовательно, полагаете, что я рылась в вещах покойника? И, чтобы меня обмануть, вы изобретаете эту смешную историю перуанского заговора! Нужно признать, что вас очень плохо проинформировали о моей персоне. Я не знаю, кто вы такой на самом деле, хотя, вспоминая неясно, что вроде бы слышала, как граф упоминал ваше имя. Но я вам скажу очень чётко и ясно: «Возможно, месье Голимин хранил письма женщин, которые его любили. Возможно, также, что он их держал при себе для того, чтобы неправильно использовать. Но не меня он выбрал в качестве доверенного лица. И, что касается так называемых списков заговорщиков, которые настолько волнуют вас, то если они были при нём, вам следует обратиться в Префектуру полиции, чтобы потребовать вернуть их вам.»

– Тогда, мадам, скажите пожалуйста, одежда, которая была на Голимине, когда он умер...

– Не осталась ли она у меня? Нет, месье. И, в свою очередь, мне остаётся только добавить, что я вас прошу уйти.

Это было сказано таким тоном, каким обычно несдержанному посетителю указывают дорогу к двери, но месье Ласко нимало не смутился такой явной грубостью, оставшись после этих слов сидеть перед мадам д'Орсо в той же непринуждённой позе, и принялся смотреть на неё, как смотрят, обычно, на античный шедевр в музее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.